

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ
ЩЕРБАТОВ

О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ
В РОССИИ

© „Im-Werden-Verlag“, 2001

В интернете: <http://www.imwerden.de>
Email: info@imwerden.de

Вместо предисловия

Биография М.М.Щербатова из энциклопедии Брокгауза-Эфрона

Щербатов (князь Михаил Михайлович) — историк. Родился в очень зажиточной семье в 1733 году. Первоначальное образование получил дома. С 1750 года служил в лейб-гвардии Семеновском полку, но сейчас же после манифеста 18 февраля 1762 года вышел в отставку. Рано поняв недочеты своего образования, он старался пополнить их самостоятельным чтением. На гражданской службе, куда он скоро поступил, Щербатов имел полную возможность хорошо ознакомиться с тогдашним положением России. В 1767 году он, в качестве депутата от ярославльского дворянства, участвовал в комиссии для составления нового уложения, где, в духе данного ему избирателями наказа, очень рьяно отстаивал интересы дворянства и всеми силами боролся с либеральнонастроенным меньшинством. Несколько раньше Щербатов стал заниматься русской историей, под влиянием Миллера, о чем он сам говорит в предисловии к I тому „Истории российской“. В 1767 году Щербатов вероятно был представлен Екатерине II, и она открыла ему доступ в патриаршую и типографическую библиотеки, где были собраны списки летописей, присланные по указу Петра I из разных монастырей. На основании 12 списков, взятых оттуда, и 7 собственных Щербатов, не имея никакой предварительной подготовки, взялся за составление истории. Не смотря на то, что в 1768 году он был назначен в комиссию о коммерции и что ему было поручено императрицей разобрать бумаги Петра I, его работа шла очень быстро: к 1769 году он дописал два первые тома, до 1237 года. Тогда же начинается усиленная издательская деятельность Щербатова. Он печатает: в 1769 году, по списку патриаршей библиотеки, „Царственную книгу“, в 1770 году, по повелению Екатерины II — „Историю шведской войны“, собственноручно исправленную Петром Великим; в 1771 году — „Летопись о многих мятежах“; в 1772 году — „Царственный летописец“. Собственная его история несколько замедлилась вследствие необходимости к летописным источникам присоединить и архивные, до него никем, кроме Миллера, не тронутые. В 1770 году он получил разрешение пользоваться документами московского архива иностранной коллегии, где хранились духовный и договорные грамоты князей с половины XIII века и памятники дипломатических сношений с последней четверти XV в. Энергично принявшись за разработку этих данных, Щербатов в 1772 году окончил III-й, а в 1774 году — и IV том своей работы. Не ограничиваясь одним историческими трудами, он в 1776-77 годах составляет замечательную работу по статистике, понимая ее в широком смысле школы Ахенвалля, то есть в смысле государственоведения. Его „Статистика в рассуждении России“ обнимала 12 рубрик: 1) пространство, 2) границы, 3) плодородие (экономическое описание), 4) многонародие

(статистика населения), 5) веру, 6) правление, 7) силу, 8) доходы, 9) торговлю, 10) мануфактуру, 11) народный характер, и 12) расположение к России соседей. В 1778 году он сделался президентом камер-коллегии и был назначен присутствовать в экспедиции винокуренных заводов; в 1779 году был назначен сенатором. До самой своей смерти Щербатов продолжал интересоваться политическими, философскими и экономическими вопросами, излагая свои взгляды в ряде статей. История его тоже подвигалась очень быстро. Последние тома, XIV и XV (до свержения Василия Шуйского) были изданы год спустя после его смерти (Щербатов умер в 1790 году). В настоящее время сочинения князя Щербатов большею частью уже изданы и личность его, как историка и публициста, может быть вполне выяснена.

Щербатов как историк. Щербатову еще при жизни приходилось защищать свой труд от общих нападок, особенно против Болтина. В 1789 году он напечатал „Письмо к одному приятелю, в оправдание на некоторые скрытые и явные охуления, учиненные его истории от господина генерал-майора Болтина“, что вызвало ответ Болтина и отповедь в свою очередь Щербатова, напечатанную уже после его смерти, в 1792 году Болтин указывал на ряд ошибок Щербатова: 1) в чтении летописи, в роде превращения „стяга“ в „стог“, „идти по нем“ в „идти на помощь“ и т. д., и 2) на полное незнание Щербатова с исторической этнографией и географией. Действительно, история Щербатова очень страдает в этом отношении. Щербатов не сумел ориентироваться в древней этнографии, а ограничился пересказом известий по французским источникам, да и то „толь смутно и беспорядочно, — по его собственному заявлению, — что из сего никакого следствия истории сочинить невозможно“. Но дело в том, что этот вопрос был наиболее темным, и только Шлецеру удалось внести туда некоторый свет. Во всяком случае, Щербатов зачастую является более сведущим и осторожным, чем Болтин. В обработке летописи Щербатов, не смотря на всю массу промахов, в которых его упрекали, сделал шаг вперед сравнительно с Татищевым в двух отношениях. Во-первых, Щербатов ввел в ученое пользование новые и очень важные списки, как синодальный список Новгородской летописи (XIII и XIV веков), Воскресенский свод и другие. Во-вторых, он первый правильно обращался с летописями, не сливая показания разных списков в сводный текст и различая свой текст от текста источников; на которые он делал точные ссылки, хотя, как замечает Бестужев-Рюмин, его способ цитировать по №№ отнимает возможность проверки. Как и остальные наши историки XVIII века, Щербатов еще не различает вполне источника от его ученой обработки и потому предпочитает, например, Синописис — летописи. Не по силам еще Щербатову и выбор данных; послушно следуя за источниками, он загромождает свой труд мелочами. Много добра русской истории Щербатов принес обработкою и изданием актов. Благодаря его истории в „Библиотеке“ Новикова, наука овладела первостепенной важности источниками, как: духовными, договорными грамотами князей, памятниками дипломатических сношений и статейными списками посольств; произошла, так сказать, эмансипация истории от летописей и указана была возможность изучения более позднего периода истории, где показания летописи оскудевают или совсем прекращаются. Наконец, Миллер и Щербатов издали, а частью приготовили к изданию много архивного материала, особенно времен Петра Великого. Полученный из летописей и актов материал Щербатов связывает прагматически, но его прагматизм особого рода — рационалистический или рационалистически-индивидуалистический: творцом истории является личность. Ход событий объясняется воздействием героя на волю массы или отдельного лица, причем герой руководствуется своекорыстными побуждениями своей природы, одинаковыми для всех людей в разные эпохи, а масса подчиняется ему по глупости или по суеверию и т. п. Так, например, Щербатов не пытается отбросить летописный рассказ о сватовстве византийского императора (уже женатого) на 70-летней Ольге, но дает ему свое объяснение: император хотел жениться на Ольге с целью заключить союз с Россией. Покорение Руси монголами он объясняет чрезмерною набожностью русских, убившею прежний воинственный дух. Согласно со своим рационализмом Щербатов не признает в истории возможности чудесного

и относится холодно к религии. По взгляду на характер начала русской истории и на общий ход ее Щербатов стоит ближе всего к Шлецеру. Цель составления своей истории он видит в лучшем знакомстве с современной ему Россией, то есть смотрит на историю с практической точки зрения, хотя в другом месте, основываясь на Юме, доходит до современного взгляда на историю, как науку, стремящуюся открыть законы, управляющие жизнью человечества. У современников история Щербатова не пользовалась успехом: ее считали неинтересной и неверной, а самого Щербатова — лишенным исторического дарования (императрица Екатерина II); но это, как видно из сказанного, не верно, и Карамзин нашел для себя у Щербатова довольно обильную пищу.

Щербатов, как публицист, интересен, главным образом, как убежденный защитник дворянства. Его политические и социальные взгляды не далеко ушли от той эпохи. Из его многочисленных статей — „Разговор о бессмертии души“, „Рассмотрение о жизни человеческой“, „О выгодах недостатка“ и других — особый интерес представляет его утопия — „Путешествие в землю Офирскую господина С., извещкого дворянина“ (не кончено). Идеальное Офирское государство управляется Государем, власть которого ограничена высшим дворянством. Остальные классы, даже рядовое дворянство, доступа к высшей власти не имеют. Необходимости для каждого гражданина принимать участие в правлении, необходимости обеспечения личной свободы Щербатов не знает. Первым сословием является дворянство, вступление в которое запрещено. Оно одно обладает правом владеть населенными землями; рекомендуется даже (в статье по поводу голода в 1787 году) всю землю отдать дворянам. Но и дворян Щербатов стесняет целой массой мелочных правил. Признавая значение образования, Щербатов требует умножения числа школ, но не дает образованным людям прав дворянина. Областное управление, на которое особенно нападал Щербатов, он строит, однако, в прежнем духе, стесняя его еще больше увеличением канцелярщины и формализма. Военную службу он рекомендует организовать по типу военных поселений, что, позднее было сделано в России и потерпело полное фиаско. Рассудочность века наложила сильную печать на Щербатов. Особенно характерны взгляды его на религию офицеров: религия, как и образование, должна быть строго утилитарной, служить охранению порядка, тишины и спокойствия, почему священнослужителями являются чины полиции. Другими словами, Щербатов не признает христианской религии любви, хотя это не мешает ему в статье „О повреждении нравов в России“ нападать на рационалистическую философию и на Екатерину II, как на представительницу ее в России. До чего сам Щербатов проникся, однако, рационализмом, видно из его мнения, что можно в очень короткий срок пересоздать государство и что установить на целые тысячелетия незыблемый порядок, в котором нужны будут только некоторые поправки.

Г. Лучинский.

М.М. ЩЕРБАТОВ
„О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ В РОССИИ“

Взирая на нынешнее состояние отечества моего с таковым оком, каковое может иметь человек, воспитанный по строгим древним правилам, у коего страсти уже летами в ослабление пришли, а довольное испытание подало потребное просвещение, дабы судить о вещах, не могу я не удивиться, в коль краткое время повредилиса повсюдно нравы в России. Воистину могу я сказать, что естли, вступя позже других народов в путь просвещения, и нам ничего не оставалось более, как благоразумно последовать стезям прежде просвещенных народов; мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же гораздо с вящей скоростию бежали к повреждению наших нравов и достигли даже до того, что вера и Божественный закон в сердцах наших истребились, тайны Божественные в презрение впали. Гражданские узаконения презираемы стали. Судии во всяких делах нетоль стали стараться объясняя дело, учинить свои заключения на основании узаконеней, как о том, чтобы, лихоимственно продавая правосудие, получить себе прибыль или, угождая какому вельможе, стараются проникать, какое есть его хотение; другие же, не зная и не стараяся познавать узаконения, в суждениях своих, как безумные бредят, и ни жизнь, ни честь, ни имения гражданския не суть безопасны от таковых неправосудей. Несть ни почтения от чад к родителям, которые не стыдятся открыто их воли противуборствовать и осмеивать их старого века поступок. Несть ни родительской любви к их исчадию, которые, яко иго с плеч слагая, с радостию отдают воспитывать чуждым детей своих; часто жертвуют их своим прибытком, и многие учинились для честолюбия и пышности продавцами чести дочерей своих. Несть искренней любви между супругов, которые часто друг другу, хладно терпя взаимственныя прелюбодеяния, или другия за малое что разрушают собою церковь заключенный брак, и не токмо не стыдятся, но паче яко хвалятся сим поступком. Несть родственнические связи, ибо имя родов своих ни за что почитают, но каждый живет для себя. Несть дружбы, ибо каждый жертвует другом для пользы своя; несть верности к Государю, ибо главное стремление почти всех обманывать своего Государя, дабы от него получать чины и прибыточные награждения; несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконец несть твердости духу, дабы не токмо истину пред монархом сказать, но ниже временщику в незаконном и зловердном его намерении попротивиться.

Толь совершенное истребление всех благих нравов, грозящее падением государству, конечно должно какие основательные причины иметь, которые во первых я подщуса открыть, а потом показать и самую историю, как нравы час от часу повреждались, даже как дошли до настоящей развратности.

Стечение многих страстей может произвести такое повреждение нравов, а однако главнее из сих я почитаю сластолюбие. Ибо оно рождает разные стремительныя хотения, а дабы достигнуть до удовольствия оных, часто человек ничего не щадит. В самом деле, человек, предавший себя весь своим беспорядочным хотениям, и обожа внутри сердца своего свои охулительные страсти, мало уже помышляет о законе Божий, а тем меньше еще о узаконениях страны, в которой живет. Имея себя единого в виду, может ли он быть сострадателен к ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы? А как Государя считает источником, от коего может получить такая награждения, которые могут дать ему способы исполнить свое сладострастие, то привязывается к нему, но не с тою верностию, каковую бы должен преданной к самодержцу своему иметь, но с тем стремлением, к чему ведет его страсть, то есть, чтобы угождать во всем Государю, льстить его страстям и подвигнуть его награждать его. А таковые расположения не рожают твердости; ибо может ли тот быть тверд, которой всегда трепещет не достигнуть до своего предмету, и которого твердость явным образом от одного удаляет? Юлий Цесарь, толь искусный в познании сердец человеческих, яко искусен в военных и политических делах, который умел побеждать вооруженных противу его врагов и побежденных сердца к себе обращать. Не иное что ко утверждению своей похищенные власти употребил, как большия награждения, дабы, введши чрез сие сластолюбие, к нему якобы ко источнику раздаяней более людей привязывались. Не токмо всем своим поступком изъявлял такая свои мысли, но и самыми словами единожды их изъяснил. Случилось, что ему доносили нечто на Антония и на Долабелу, якобы он их должен опасаться. Отвечал, что он сих в широких и покойных одеждах ходящих людей, любящих свои удовольствия и роскошь, никогда страшиться причины иметь не может. Но сии люди, продолжал он, которые о великолепии ни о спокойствии одежд не радят, сии иже роскошь презирают, и малое почти за излишнее считают, каковы суть Брутус и Кассий, ему опасны в рассуждении намереней его лишить вольности римский народ. Не ошибся он в сем, ибо подлинно сии его тридцети тремя ударами издыхающей римской вольности пожертвовали. И тако самый сей пример и доказует нам, что не в роскоши и сластолюбии издыхающая римская вольность обрела себе защищение, но в строгости нравов и в умеренности.

Отложя все суровости следствий непросвещения и скитающейся жизни диких народов, рассмотрим их внутренния и не истребленные, влиянные природою в сердце человеческое добродетели. Худы ли или хороши их законы, они им строго последуют; обязательства их суть священы, и почти не слышно, чтобы когда кто супруге или ближнему изменил; твердость их есть не вероятна, они за честь себе считают не токмо без страху, но и с презрением мученей умереть; щедрость их похвальна, ибо все, что общество трудами своими приобретает, то все равно в обществе делится, и нигде я не нашел, чтоб дикия странствующия и не просвещенные народы похитили у собратей своих плоды собственных своих трудов, дабы свое состояние лучше других сделать. А все сие происходит, что несть в них и не знают они сластолюбия, следственно и никакого желания, клонящегося в ущерб другому, а к пользе себе, иметь не могут.

Довольно я уже показал, что источник повреждения есть сластолюбие; приступлю тапериче показывать, какими степенями достигло оно толико повредить сердца моих одноземцов. Но, дабы говорить о сем, надлежит сперва показать состояние нравов россиан до царствования Петра Великого.

Не токмо подданные, но и самые Государя наши жизнь вели весьма простую, дворцы их были не обширны, яко свидетельствуют оставшийся древний здания. Семь или восемь, а много десять комнат составляли уже довольно число для вмещения Государя. Оные состояли: крестовая, она же была и аудиенц-камера, ибо тут приходили и ожидали Государя бояре и другие сановники; столовая гораздо меньшая, ибо по разрядным книгам видим, что весьма малое число бояр удостоивалось иметь честь быть за столом у Государя; а для каких великолепных торжеств была назначена Грановитая палата. Не знаю я, была ли у Государей передспальня, но кажется по расположению старых дворцов, которые я запомню, ей быть надлежало. Спальня и оные были не розные с царицами, но всегда одна. За спальнею были покои для девушек

царицыных, и обыкновенно она была одна, и для малолетних детей царских, которые по два и по три в одной комнате жила; когда же возрастали, то давались им особливый покой, но и оные не больше состояли как из трех комнат, то есть, крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сии больших украшений не имели, ибо стены были голые, и скамьи стояли покрыты кармазинным сукном, а изысканное было великолепие, когда дурною резною работою вокруг дверей были сделаны украшения, стены и своды вымазаны иконописным письмом, образами святых, или так цветы наподобие арабески; и если было несколько ореховых стульев или кресел для царя и царицы, обитых сукном или трипом, то сие уже высшая степень великолепия была. Кроватей с занавесами не знали, но спали без занавесок. А уже в последние времена токмо, яко знатное великолепие было, что обили в царском доме крестовую палату золотыми кожами, которую палату, бывшую возле красного крыльца, я сам помню с почернелыми ее обоями.

Стол Государев соответствовал сей простоте, ибо хотя я точно утвердить и не могу, чтобы Государи кушали не на серебре, но потому, что в мастерской палате не вижу порядочного сервизу серебряного, заключаю, что тогда Государи кушали на олове; а серебряные блюда и сделанные горы наподобие Синайских, также и другие столовые украшения употреблялись токмо в торжественные дни.

Кушанье их сходственно с тем же было, хотя блюда были многочисленны, но, они все состояли из простых вещей. Говядина, баранина, свинина, гуси, куры индейская, утки, куры русская, тетеревы и поросята были довольны для составления великолепнейшего стола, с прибавлением множества пирожного, не всегда из чистой крупчатой муки сделанного. Телятину мало употребляли, а посных телят и каплунов и не знали. Высочайшее же великолепие состояло, чтоб круг жареного и ветчины обернуть золотою бумагою, местами пироги раззолотить, и подобное. Потом не знали ни капорцов, ни оливков, ни других изготовленных для побуждения аппетита, но довольствовались огурцами солеными, сливами, и наконец за великолепие уже считалось подать студень с солеными лимонами.

Рыбный стол еще тощее мясного был. Садков купеческих было очень мало, и не имели искусства из дальних мест дорогую живую рыбу привозить, да к тому же Государев двор был не на подяре, но из волостей своих всем довольствовался. И тако в Москве, где мало состояло обилия рыбы, довольствовался токмо тою рыбою, которую в Москве-реке и в ближних реках ловили, а как происходил чувствительный недостаток в столе Государеве, то сего ради как в самой Москве, так и по всем Государевым селам, сделаны были пруды, из которых ловили рыбу про стол Государев; впрочем же употребляли соленую, привозя из городов, из которых на многия, где есть рыбная ловля, и в дань она была положена, как мне случилось самому видеть в Ростове грамоты царския о сей дани. А зимою привозили и из дальних мест рыбу мерзлую и засольную, которая к столу Государев употреблялась.

Десерт их такой же простоты был, ибо изюм, коринка, винные ягоды, чернослив и медовые постилы составляли оной, что касается до сухих вещей. Свежие же летом, и осенью были: яблоки, груши, горох, бобы и огурцы. А думаю, что дынь и арбузов и не знали, разве когда несколько арбузов привезут из Астрахани. Привозили еще и виноград в патоке, а свежего и понятия не имели привозить, ибо оный уже на моей памяти в царствование императрицы Елисаветы Петровны, тщаниями Ивана Антоныча Черкасова, кабинет-министра, начал свежей привозиться.

Для толь малого числа покоев не много бы освещения надобно, но и тут не токмо не употребляли, но и за грех считали употреблять восковые свечи, а освещены были комнаты сальными свечами, да и тех не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, где четыре свечи на подсвешниках поставлялись.

Напитки состояли: квас, кислые щи, пиво и разные меды, из простого вина сделанная вотка. Вины: церковное, то есть красное ординарное вино, ренское, под сим именем разумелся нетокмо рейнвейн, но также и всякое белое ординарное вино; романья, то есть греческая сладкая

вина, и аликант. Которые чужестранные напитки с великою бережливостию употребляли. И погреба, где они содержались, назывались фряжския, потому что как первые оные, а паче греческия, получались чрез франков, а другия знали, что из Франции идут, то общее имя им и дали фряжских вин.

Таков был стол Государев в рассуждении кушанья и напитков; посмотрим, какия были их экипажи. Государи и все бояре летом езжали всегда верхом, а зимою в открытых санях, но в чрезвычайных случаях, как находим по летописцам, что в случае болезни, когда Государь в походе занеможет, то также сани употребляли и летом. И правда, что в верховой езде Государской великое было великолепие, яко видно по оставшимся конским уборам, хранящимся в мастерской палате. Арчаги седл были с камнями, стремена золотые или с камнями, муштуки также драгоценными камнями были покрыты, подушки бархатные, шитые или золотом, или серебром, или и низаны жемчугом, с запонами драгоценных камней, попоны тому же великолепию подобные, бархатные или аксаметные золотые, с шитьем или с низаньем и с камнями. Но сие азиатское великолепие неубытошно было, ибо, сделанные единожды, таковые уборы на многия столетия могли служить.

Царицы же езжали обыкновенно в колымагах, роде корет, сделанных снаружи на подобие фурманов, где не было ни места, чтоб сидеть, ни окошек, но клали внутрь пуховики для сиденья, а вместо нынешних драгоценных точеных стекол, опускающейся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такая коляска удобна быть ни к какому украшению, ибо снаружи они все обиты были кожею, а верх веколения в делание оных состоял, чтоб наружную кожу, местами позолоченную и тисненную, употребить. Корет же не токмо не знали, но и воображения о них не имели, ибо уже и в царствовании Петра Великого ближний мой свойственник, боярин князь Михаил Иванович Лыков, человек пребогатый, бывши воеводою у города Архангельского, выписал ореховую, украшенную резьбою карету с точеными стеклами, по смерти его сия корета досталась деду моему, и почиталась толь завидною и драгоценной вещию, хотя и снова тысячи рублей не стоила, что князь Меншиков делал нападки на деда моего, чтобы ее получить, и за неотдание учинил, что дед мой лишился всех недвижимых имений, которые бы надлежало ему наследовать после супруги князя Лыкова.

Возрим таперя на одежды царския. Они были великолепны. В торжественных их одеяниях золото, жемчуг и камень повсюдова блистали; но обыкновенные одежды, в коих более наблюдали спокойствие, нежели великолепие, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбия, а торжественные толь редко употреблялись и толь крепки были, что их за носильные одежды и почитать не должно, но были они яко какия коронныя сосуды, определенные для показания токмо великолепия монарша, и естли не одежды, то по крайней мере украшения их, быв соделаны из золотых блях, жемчугу и камней из рода в род переходили. Но общим образом сказать, не было никаких ни изыскуемых и тленных украшений, ни великого числа платей, но пять или шесть, а много до десяти платьев когда имел царь или царица, то уже довольно считалось, да и те нашивали до износу, разве из особой милости кому плеча своего платья пожалуют.

Главней же роскош в царских обыкновенных платьях состоял в драгоценных мехах, которые они для подкладки и на опушку одеяней своих употребляли, но мехи сии не купленные и не из чуждых государств привезенные были, но дань, собираемая с сибирских народов. Впрочем царицы имели обычаи носить длинные тонкия полотняные у сорочек рукава, которые на руку набирали, и сии были иногда толь длинны, что даже до двадцети аршин полотна в них употреблялось.

Се есть все, что я мог собрать о роде житья, выезде и одежды царской, а сие самое и показывает, коликая простота во всем оном находилась. Бояре и прочие чиновники по мере их состояния подобную же жизнь вели, стараяся притом, из почтения к царскому сану, никогда и к простому сему великолепию не приближаться. А более всего сохраняло от сластолюбия, что ниже имели понятия о перемене мод, но, что деды нашивали, то и внучаты, не почитаясь

староманерными, носили и употребляли. Бывали у бояр златотканые, богатые одеяния, которые просто золотами называли, и не иначе надевали, когда для какого торжественного случая повелено им было в золотых ко двору собираться; а посему сии одежды им надолго служили, и я заподлинно слыхал, что не стыдились и сыновья по кончине родителей своих тоже платье носить. Однако несть никакого общества, куда бы великолепие и роскошь не вкрадывались, то, колико кажется мне, главнее великолепия состояло у бояр иметь великое число слугителей. Великолепие, может статься, до излишности доведенное, но в самом деле основанное на нужде, ибо бояре с людьми своими хаживали на войну, и оные обще и воинов государственных, и защитников в опасном случае своим господам были. Но в мирное время за честь себе бояре считали, когда едит по городу, чтобы ему предшествовали человек пятьдесят слуг пешками; слыхал я, что и самые боярани не токмо куда в знатное посещение, но ниже к обедни к своему приходу стыдились без предшествования дватцети или тритцети слуг ехать. Однако содержание сих слуг недорого стоило, давали им пищу и весьма малое на сапоги жалованье, а в протчем они содержались своим искусством, дома носили серые сермяжные кавтаны, а при выезде господина или госпожи, какой у кого полутче кавтан сыщется, ибо тогда ливреи не знали. И я сам запомню, что без гостей званых во всех домах лакеи ливреи не надевали, а употребленные к должностям люди, которых бывало мало, носили такие кавтаны, какие случится.

Остается мне еще сказать, что не было тогда ни единого, кто бы имел открытой стол, но разве ближние самые родственники безозву куда обедать ездили, а посторонния иначе не езжали, как токмо званые. И могли сидеть по утру до часа обеденного, а вечеру до ужина, не быв уняты обедать или ужинать.

Таковые обычаи чинили, что почти всякой по состоянию своему без нужды мог своими доходами проживать и иметь все нужное, не простирая к лутчему своего желания, ибо лутче никто и не знал. А к тому же воспитание в набожии, хотя иногда делало иных суеверными, но влагало страх закона Божия, которой утверждался в сердцах их ежедневною домашнею Божественною службою. Не было разных для увеселения сочиненных книг, и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать Божественное писание, и паче в вере утверждаться. Правление деревень занимало большую часть время, а сие правление влекло за собою рассмотрение разных крепостей и заведенных разных приказных дел, которые понуждали вникнуть в узаконении государства, и за честь себе считали молодые люди хаживать сами в суды, как я в роде своем имею примеры, что князь Дмитрий Федорович Щербатов хаживал не токмо по своим делам, но и по чужим, и толь учинился благоразумием своим знаем боярину князь Федору Федоровичу Волконскому, что сей, хотя князь Щербатов, по причине разорения дому его, купно с убиением деда его князь Савы Щербатова, от самозванца Отрепьева, и в бедности находился, однако, сей боярин, человек весьма богатый, дочь свою и наследницу своего имения за него отдал, и князь Иван Андреич Щербатов, который после был министром в Гишпании, Цареграде и Англии, а наконец действительным тайным советником, сенатором и ордена святого Александра Невского кавалером, по своим делам в молодости своей в суды хаживал.

Почтение к родам умножило еще твердость в сердцах наших предков, беспрестанные суды местничества, питали их гордость; пребывание в совокуплении умножало связь между родов и соделовало их безопасность, что твердое предприятие, а тогда же и налагло узду, кому что недостойное имени своего соделать; ибо бесчестие одного весь род того имени себе считал. А сие не токмо молодых людей, но и самых престарелых в их должности удерживало. Благородной гордости бояр мы многия знаки обретаем. Князь Симски-Хабаров, быв принуждаем уступить место Малюте Скуратову, с твердостью отрекся, и когда царем Иоанном Васильевичем осужден был за сие на смерть, последнею милость себе просил, чтоб прежде его два сына его были умерщвлены, яко быв люди молодые ради страха гонения и смерти чего недостойного роду своему не учинили. Князь Михаила Петрович Репнин лутче восхотел претерпеть гнев царя Иоанна Васильевича и наконец убиение, нежели сообщником учиниться распутных его забав.

Соединение же родов толь твердо было, что ни строгой обычай царя Иоанна Васильевича, ни казни не могли возбранить, чтоб, совокупясь многими родами, не просили у сего Государя пощады своим родственникам и свойственникам, осужденным на казнь, и бралися быть поруками впредь за поступки того, яко свидетельствуют сие многие сохранные грамоты в архиве иностранной коллегии, где таковые поручные подписи есть. И дед мой князь Юрья Федорович Щербатов не утратился у разгневанного Государя Петра Великого по царевичеву делу за родственника своего, ведомого на казнь, прощения просить, прося, что естли не учинено будет милосердия, дабы его самого, в старых летах сущего, лишитъ жизни, да не увидят очи его бесчестия роду и имени своего. И пощаду родственнику своему испросил.

Такая тесная связь между родов обуздывала страсти юношей, которые, не токмо быв воспитываемы в совершенном почтении и беспрекословном повинении к их родителям, обязаны были почитать всех старших своего рода, и в них обретали строгих надзирателей своих поступков, так как защитников во всяком случае. Самые еще хотя и мало остающийся обычай ныне сие свидетельствуют, которые, в младости моей помню, яко священные законы хранились, чтобы молодые люди каждый праздник проезжали по утрам к их старшим родственникам для изъявления почтения их. И чтоб ближняя родственники и свойственники съезжались загавливаться и разгавливаться к старшему.

Самые самовластнейшие Государы принуждены иногда бывают последовать умоначертанию своего народа, так наши Государы и последовали утверждать сии обычаи, не токмо снисходя на прозбы благородных, но также производя предпочтительно пред другими из знатнейших родов, и мы находим, в роде князей Репниных, что многия из столников, миновав чин околничего, прямо в бояре были жалованы. Преимущество сие, часто и младым людям учиненное, могло бы подать причину подумать, что оно обращалось в обиду другим, но сего не было, ибо не по одним чинам тогда благородных почитали, но и по рожденьям их, и тако чины давали токмо должности, а рождение приобретало почтение.

В возмездие за такое снисхождение Государей получали они, что находили в благородных верных, усердных и твердых слуг. Почтуся я несколько мне известных примеров предложить. Афанасей Нагой, быв послом в Крыму и многое претерпевая от наглостей Крымских, хотя выбываем был ханом из Крыму, чувствуя нужду его пребывания в сем полуострове, объявил, что он разве связанной будет вывезен из Крыму, а без того не поедет, хотя бы ему смерть претерпеть. Князь Борис Алексеевич Голицын предпочел сохранение здоровья Государева возвышению своего рода, спас Петра Великого во младенчестве, и винному родственнику своему пощаду живота испросил. Прозоровской, во время трудных обстоятельств начала Швеция войны, соблюл великое число казны и государственные вещи, поведенные Государем изломать и перебить в монету, утаил, дав вместо их собственное свое серебро, и при благополучнейших обстоятельствах, когда Государь сам сожалел о истреблении сих вещей, целые, не желая никакого возмездия, возвратил. Борис Петрович Шереметев суд царевичев не подписал, говоря, что он рожден служить своему Государю, а не кровь его судить, и не утратился гневу Государева, которой несколько времени на него был, яко внутренне на доброжелателя несчастного царевича. Князь Яков Федорович Долгоруков многия дела, Государем подписанные, останавливал, дая ему всегда справедливые советы, и гнев Государской, за частое его противоборство воли его, на почтение обращал, а тем открывал путь обще и к славе своего Государя, и к блаженству народному. Си были остатки древнего воспитания и древнего правления.

Возрим же таперя, какия перемены учинила в нас нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром Великим, и как от оные пороки зачели вкрадываться в души наши, даже как царствования от царствования они час от часу, вместе с сластолюбием возрастая, дошли до такой степени, как выше о них упомянул. Сие сочинит купно историю правлений и пороков.

Петр Великий, подражая чужестранным народам, нетокмо тщился ввести познание наук, искусств и ремесл, военное порядочное устройство, торговлю и приличнейшия узаконения в свое государство, также старался ввести и таковую людцкость, сообщение и великолепие, в

кчем ему сперва Лефорт натвердил, а потом которое и сам он усмотрел. Среди нужных установленной законодательства, учреждения войск и артиллерии, не меньше он прилегал намерение являющиеся ему грубые древния нравы смягчить. Повелел он бороды брить, отменил старинные русские одеяния и вместо длинных платьев заставил мужчин немецкие кафтаны носить, а женщин вместо телогреев — бостроги, юбки, шлафроки и самары, вместо подколовок — фантанжами и корнетами голову украшать. Учредил разные собрания, где женщины, до сего отделенные от сообщения мужчин, вместе с ними при веселиях присутствовали. Приятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами в домах своих, пользоваться всеми удовольствиями общества, украшать себя одеяниями и уборами, умножающими красоту лица их и оказующими их хороший стан; не малое же им удовольствие учинило, что могли прежде видеть, с кем на век должны совокупиться, и что лица женихов их и мужей уже не покрыты стали колючими бородами. А с другой стороны, приятно было молодым и незаматерелым в древних обычаях людям вольное обхождение с женским полом, и что могут наперед видеть и познать своих невест, на которых прежде, поверяя взору родителей их, женивались. Страсть любовная, до того почти в грубых нравах незнаемая, начела чувствительными сердцами овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чувств произошло. А сие самое и учинило, что жены, до того не чувствующие свои красоты, начели силу ее познавать, стали стараться умножать ее пристойными одеяниями, и более предков своих распростерли роскошь в украшении. О коль желание быть приятной действует над чувствами жен! Я от верных людей слышал, что тогда в Москве была одна только уборщица для волос женских, и ежели к какому празднику когда должны были молодые женщины убираться, тогда случалась, что она за три сутки некоторых убирала и они принуждены были до дня выезда сидеть, чтобы убору не испортить. Может быть, сему не поверят ныне, но я паки подтверждаю, что я сие от толь верных людей слышал, что всем сомневаться не должно. Ежели страсть быть приятной такое действие над женами производила, не могла она не иметь действия и над мужчинами, хотящими им угодным быть, то то же тщание украшенной, ту же роскошь рождало. И уже перестали довольствоваться одним или двумя длинными платьями, но многия с голунами, с шитьем и с пондеспанами делать начели.

Колико сам Государь ни держался древней простоты нравов в своей одежде, так что, кроме простых кавтанов и мундиров, никогда богатых не нашивал, и токмо для коронации императрицы Екатерины Алексеевны, своей супруги, сделал голубой гродетуровой кавтан с серебряным шитьем, да сказывают еще у него был другой кавтан дикой с золотым шитьем, не знаю, для какого знатного же случая сделанной. Протчее все было так просто, что и беднейший человек ныне того носить не станет. Как видно по оставшим его одеждам, которые хранятся в Куншкамере при императорской академии наук. Манжет он не любил и не нашивал, яко свидетельствуют его потреты; богатых экипажей не имел, но обыкновенно ездил в городах в одноколке, а в дальном пути в качалке. Множества служителей и придворных у него не было, но были у него денщики, и даже караулу кроме как полковника гвардии не имел. Однако при такой собственно особы его простоте хотел он, чтобы подданные его некоторое великолепие имели. Я думаю, что сей великий Государь, которой ничего без дальновидности не делал, имел себе в предмет, чтоб великолепием и роскошью подданных побудить торговлю, фабрики и ремеслы, быв уверен, что при жизни его излишнее великолепие и сластолюбие не утвердит престола своего при царском дворе. И тако мы находим, что он побуждал некоторое великолепие в платьях, как видим мы, что во время торжественного входу, после взятия Азовского, генерал-адмирал Лефорт шел в красном кавтане с голунами по швам, и другие генералы также богатые кавтаны имели, ибо тогда генералы мундиров не нашивали. Богатые люди из первосановников его двора или которые благодеяниями его были обогащены, как Трубецкия, Шереметев и Меншиков; в торжественные дни уже старались богатые иметь платья. Парчи и голуны стали как у жен, так и у мужей во употреблении, и хотя не часто таковые платья надевали, моды хотя долго продолжались, однако они были, и по достатку своему оные уже их чаще, нежели при

прежних обычаях делали. Вместо саней и верховой езды и вместо колымаг, не терпящих украшеней, поевились уже кареты и коляски, начелись уже пуки, которых до того не знали, и приличные украшения к сим экипажам. Служители переодеты на немецкий манер, не в разноцветных платьях стали наряжаться, но каждый по гербу своему или по изволению делал им ливреи, а офисьянты, которых тогда еще весьма мало было, еще в разноцветных платьях ходили.

Касательно до внутреннего житья, хотя сам Государь довольствовался самою простою пищею, однако он ввел уже во употребление прежде неизвестные в России напитки, которые предпочтительно другим пивал. То есть, вместо вотки домашней, сиженой из простого вина, вотку голландскую анисовую, которая приказной называлась. И вины ермитаж и венгерское, до того не знаемые в России.

Подражали сему его и вельможи, и те, которые близки были ко двору, да и в самом деле, надлежало им сие иметь, ибо Государь охотно подданных своих посещал, то подданный чего для Государя не сделает? Правда, сие не токмо ему было угодно, но напротиву того, он часто за сие гневался, и не токмо из простого вина подслащенную вотку, но и самое простое вино пивал, но и собственное желание удовольствия, до того ими не знакомого, превозмогло и самое запрещение Государево, дабы последовать его вкусу. Уже в домах завелиса нетокмо анисовая приказная вотка, но и гданския вины, нетокмо старинные, о коих выше помянул, но также ермитаж, венгерское и некоторые другия. Правда, что еще их сначала весьма бережливо подавали, и в посредственных домах никогда в обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздников и пиршеств, да и тут не стыдились, принести четвертную или сулею запечатанную и, налив из нее по рюмки, опять запечатав, на погреб отослать.

Однако, хотя сам не любил, и не имел времени при дворе своем делать пиршества, то оставил сие любимцу своему князю Меншикову, который часто оные как в торжественные дни, так и для чужестранных министров с великим великолепием по тогдашнему времени чинил. Имел для сего великой дом, не токмо на то время, но и в нынешнее, ибо в оной после кадетской сухопутной корпус был помещен, и слышал я, что часто Государь, видя из дворца своего торжество и пиршество в доме его любимца, чувствовал удовольствие. Говоря: „Вот как Данилич веселится“. Равно ему подражая, так и быв обязаны самыми своими чинами, другия первосановники империи также имели открытые столы, как генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, генерал-фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, канцлер граф Гаврила Иванович Головкин и боярин Тихон Никитич Стрешнев, которому, поелику он оставался первым правителем империи во время отсутствия в чужия края императора Петра Великого, на стол и деревни были даны.

Сим знатым людям и низшия подражая, уже во многих домах открытые столы завелиса, и столы не такие, как были старинные, то есть, что токмо произведении домостройства употреблялись, но уже старались чужестранными приправами придать вкус доброте мяс и рыб. И конечно в таком народе, в крем странноприимство сочиняло всегда отличную добродетель, не трудно было ввестись в обычай таковых открытых столов употребление; что соединяясь и с собственным удовольствием общества, и с лутчим вкусом кушанья, противу старинного, самым удовольствием утверждалось.

Не неприятель был Петр Великой честному обществу, но хотел, чтобы оно безубыточно каждому было. Он учредил ассамблеи, на которые в назначенные дни множество собирались. Но сим ассамблеям предписал печатными листами правила, что должно на стол поставлять и как принимать приезжих. Сим упреждая и излишнюю роскошь, и тягость высших себе принимать. Ибо общество не в обжирании и опивании состоит, и не может оно быть приятно, где нет равности. Сам часто Государь присутствовал в сих ассамблеях и строго наблюдал, дабы предписанное исполнялось.

Но слабы были сии преграды, когда вкус, естественное сластолюбие и роскошь стараются поставленную преграду разрушить, и где неравность чинов и надежда получить что от вельмож

истребляют равность. В присутствии Государевом учиненные им предписания сохранялись в ассамблеях, но в простом житье роскошь и унижение утверждали свои корни.

И подлинно мы видим, что тогда зачели уже многия дома упадать, и упадающие ожидать от милости Государской и от защищения вельмож своего подкрепления. Из первых знатных домов мне случалось слышать о упавшем доме князя Ивана Васильевича Одоевского, которого дом был на Тверской, тот самой, которой после сего был Василья Федоровича Салтыкова, потом Строганова, а ныне за князь Алексеем Борисовичем Голицыным состоит, в приходе у Спаса. Сей князь Одоевской неумеренным своим сластолюбием так разорился, что, продав все деревни, оставил себе некоторое число служителей, которые были музыканты, и сии, ходя в разные места играть и получая плату, тем остальное время жизни его содержали. Воистину при древней простоте нравов музыканты не нашли бы довольно в упражнении своем прибыли, чтобы и себя, и господина своего содержать.

Я сказал о сем князе Одоевском, яко о разорившемся человеке, но и многия другия, естли не в разорение от сей перемены жизни пришли, но по крайней мере чувствовали не малую нужду. Дабы умолчать о прочих, Борис Петрович Шереметев, фелтмаршал, именитый своими делами, обогащенный милостию монаршею, принужден однако был вперед Государево жалованье забирать и с долгом сим скончался, яко свидетельствует самая его духовная. И после смерти жена его подавала письмо Государю, что она от исков и других убытков пришла в разоренье.

Переменившейся таким образом род жизни, в начале первосановников государства, а в подражании им и других дворян, и расходы достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать; начели люди наиболее привязываться к Государю и к вельможам, яко ко источникам богатства и награждений. Страшусь я, чтобы кто не сказал, что по крайней мере сие добро произвело, что люди наиболее к Государю стали привязываться. Несть, сия привязанность несть благо, ибо она не точно к особе Государской была, но к собственным своим пользам; привязанность сия учинилась не привязанность верных подданных, любящих Государя и его честь, и соображающих все с пользою государства, но привязанность рабов наемщиков, жертвующих все своим выгодам и обманывающих лестным усердием своего Государя.

Грубость нравов уменьшилась, но оставленное ею место лестию и самством наполнилось. Оттуда произошло раболепство, презрение истины, обольщение Государя и прочия злы, которые днес при дворе царствуют, и которые в домах вельможей вогнездились. Не соскрылся сей порок от остроумного монарха, и сей Государь, строг и справедлив до крайности, старался сколько можно лесть отгонять; яко случилось, как я слышал, что один из знаемых ему офицеров, быв с ним на ассамблее, выхвалял свое усердие к Государю, говоря, что он во всяком случае готов за него умереть. Услышел сие Государь, ему говорил, что ни он не желает, ни должность его ему не повелевает, чтобы он хотел, не разбирая случаю, для него умереть, но требует токмо того, чтобы в случае нужды или опасности его особы, что ни может быть не соединено с пользою государственною, он расположен был пожертвовать своею жизнью. Офицер, хотя наиболее показать свое усердие, зачел таки утверждать, что он сие готов учинить всякой час, когда угодно будет Государю. Остроумный монарх, ничего не отвечав, взяв его руку, палец его поднес к горячей свече и зачал его жечь; от боли офицер зачел силиться выдернуть руку. Тогда, ее опустя, сказал ему Государь, что когда он малой боли обожжения пальца вытерпеть не мог, не по нужде, но по воле Государя, то как он толь щедро обещает с радостию и все тело свое без нужды пожертвовать? Другой случай, слышанной же мною, доказует, коль любил Государь истину. Захар Данилыч Мешуков, бывший порутчиком во флоте прежде, в 1718 году, любимый Государем яко первый русской, в котором он довольно знания в мореплавании нашел, и первой, которой командовал уже фрегатом, быв на едином пиршестве с Государем в Кронштате и напившись несколько пьян, стал размышлять о летах Государя, о оказующемся слабом его здоровье, и о наследнике, какого оставляет, вдруг заплакал. Удивился Государь, возле которого он сидел, о текущих его слезах, любопытно спрашивал причину оных. Мешуков отвечивал,

что он размышлял, что место, где они сидят, град, столичный близ построенный, флот заведенный, множество русских, входящих в мореплаватели, самый он, служившей во флоте и окружающей его милости, суть деянии рук его, то взирая на сие и примечая, что здоровье его, Государя и благодетеля, ослабеваает, не мог от слез не удержаться, прилегая притом простою речью: „На кого ты нас оставишь“. Ответствовал Государь: „У меня есть наследник“, — разумея царевича Алексея Петровича. На сие Мешуков спяна и неосторожно сказал: „Ох! вить он глуп, все расстроит“. При Государе сказать так о наследнике, и сие не тайно, но пред множеством председящих! Что сделал Государь? Почувствовал он вдруг дерзость, грубость и истину и довольствовался, усмехнувшись, ударить его в голову с приложением: „Дурак, сего в беседе не говорят“.

Но, невзирая на таковое любление истины, он ни на отвращение его ото лести, не мог Государь вкрадывающейся сей яд искоренить. Большая часть окружающих его ни в чем не смели ему противуречить, но паче льстили, хваля все соделанное им и не противуреча его изволениям, а иные и угождая страстям его. Хотя он знатным образом никогда обманут и не был, однако князь Яков Федорович Долгоруков никогда не нашел в супротивлениях своих Государю в сенате себе помощников. И тщетно он суровыми и справедливыми своими предложениями два определения, подписанные Государем, отменил, о привозе на переменных лошадях провианту в Петербург на армию, и о набрании посохи, на содержании народном, для делания Ладожского канала, в обоих случаях, ни в других, никто соучастником его твердости и справедливости быть не хотел; единый сам Государь терпел его грубые, но справедливые предложения, и, хотя с стиснением сердца, превозмогая себя, на оные соглашался. Я слышел от очевидных свидетелей, и Василей Никитич Татищев в истории своей сие вместил, что бывши Государь в Кронштадте в едином пиршестве, окружающия его вельможи начели превозносить его хвалами, говоря, что он более отца своего. Между таковых похвальных воплей единый князь Яков Федорович Долгорукой в молчании пребывал. Приметя сие, Государь требовал его мнения. Сей остроумный и твердый муж не мог вдруг ответить на такой вопрос, где состояло суждение между царствующего Государя и его отца, обеих отличных их качествами. Взяв несколько времени подумать, сказал следующее. Исчислил он все подробно, что Петр Великий сделал для пользы отечества, исчислил его труды и подвиги, и наконец сказал, коль велик он есть во владыках земных; но, продолжая, говорил, все сии труды, все сии установления не утверждают еще внутреннего спокойствия государства, и безопасность гражданскую в жизни и в имениях; отец же твои, говорил, при тихости нравов, начинал многое, но паче всего, что он сделал, уложение, которое ныне, по перемене обычаев, перемены требует, когда окончишь ты все свои подвиги благими узаконениями, тогда справедливо можно будет сказать, что весьма превзошел твоего отца. Государь восчувствовал всю справедливость его глаголов и согласиен своим мнение его утвердил.

Чего же ради никто другой ни в беседах, ни в сенате, и нигде инде таковой правды не говорил, как сей бессмертия достойный князь Долгоруков? Того ради, что они более желали приобрести милость Государскую, нежели, говоря правду, его почтение, желали чинов и имений. Ибо в самом деле не видно, чтобы любимец его, князь Меншиков, когда ему строгую правду представлял, чтобы Гаврило Иванович Головкин, государственный канцлер, отвратил его от переписки с Гилембурхом, с Горном и с английскими и шотланскими сообщниками претендента, ни Остерман, бывший тогда в малом чину и написавшей требуемое письмо, несовместимость сего поступку представил, чтобы Иван Мусин-Пушкин его от какого дела удержал; чтобы адмирал Апраксин, имеющий толикую поверенность, что вопреки сказал Государю. Но все токмо согласие свое изъявляли и впускали вкореняться лести и рабству для свойственных своих прибытков; чему и сам Государь и князь Яков Федорович Долгорукий противуборствовали. А с другой стороны, духовный чин, который его не любил, за отнятие своей власти, гремел во храмах Божиих его панегириками. Между сими Прокопович, которой из духовенства, хотя нелюбви к Государю не имел, но был совершенно ослеплен честолюбием, яко в другия царствовании ясно

оказал, выпранный сий глас на хвалы Государевы вознес. Достоин он был многих похвал; но желательнее было бы, чтобы они не от лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженного монаха, сего честолюбивого архиерея, жертвующаго закон изволениям Бирона, сего иже не устыдился быть судьей тайной канцелярии, был архипастырем церкви Божией, были лестны, яко свидетельствует его собственное сочинение: „Правда воли монаршей“, — памятник лести и подобострастия монашеского изволения государскому.

Сказал я, что сластолюбие и роскошь могли такое действие в сердцах произвести, но были ещё и другия причины, происходящая от самых учрежденных, которые твердость и добронравие искореняли. Разрушенное местничество (вредное впрочем службе и государству) и не замененной никаким правом знатным родам, истребило мысли благородной гордости во дворянах, ибо стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги; и тако каждый стал добиваться чинов, а не всякому удастся прямые услуги учинить, то, за недостатком заслуг, стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая Государю и вельможам; а при Петре Великом введенная регулярная служба, в которую вместе с холопами их писали на одной степени их господ в солдаты, и сии первые по выслугам, пристойным их роду людям, доходя до офицерских чинов, учинялися начальниками господам своим и бивали их палками. Роды дворянския стали разделены по службе так, что иной однородцов своих и век не увидит. То могла ли остаться добродетель и твердость в тех, которые с юности своей от палки своих начальников дрожали, которые инако, как подслугами, почтения не могли приобрести, и быв каждый без всякой опоры от своих однородцов, без соединения и защиты, оставался един, могущий предан быть в руки сильного.

Похвально есть, что Петр Великий хотел истребить суеверии в законе, ибо в самом деле, не почтение есть Богу и закону суеверие, но паче ругание. Ибо приписывать Богу неприличные ему деяния, сие есть богохулить. В России бороду образом Божиим почитали, и за грех считали ее брить, а чрез сие впадали в ересь антропоморфитов. Чудеса, без нужды учиненные, явленные образы, редко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суеверное богомолie и делали доходы развратным священнослужителям. Все сие Петр Великий тщился отвратить; указами повелел брить бороды, а духовным регламентом положил преграду ложным чудесам и явлениям, равно как и неблагопристойным сборам при поставленных на распутьях образах. Зная, что закон Божий есть к сохранению рода человеческого, а не ко истреблению его без нужды, благословением от синода и от вселенских патриархов учинил позволено есть мясо в посты в нужде, а паче в морской службе, где и без рыбы довольно люди к скорбутике подвержены, повелевая самоохотно жертвующих жизнью своею таковым воздержанием, во время приключившихся им болезням, в воду кидать. Все сие очень хорошо, а кроме что последнее несколько сурово. Но когда он сие учинил, тогда, когда народ еще был непросвещен, и тако, отнимая суеверии у непросвещенного народа, он самую веру к Божественному закону отнимал. Сие действие Петра Великого можно применить к действию неискусного садовника, которой у слабого дерева отрезывает водяные, пожирающие его сок, ветви. Естли бы оно было корнем сильно, то сие обрезывание учинило ему произвести хорошия и плодовые ветви, но как оно слабо и больно, то урезание сих ветвей, которые чрез способ листьев своих, получающих внешнею влагу, питали слабое дерево, отняв ее, новых плодовых ветвей не произвело, ниже соком раны затянуло, и тут сделались дуплы, грозящие погибелью древу. Так урезание суеверий и на самые основательные части веры вред произвело, уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера. Исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь к Богу и к святому его закону; и нравы, за недостатком другого просвещения исправляемые верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить.

Со всем почтением, которое я к сему великому в монархах и великому в человеках в сердце своем сохраняю, со всем чувством моим, что самая польза государственная требовала, чтобы он имел, кроме царевича Алексея Петровича, законных детей преемниками его престола. Не могу удержаться, чтобы не охулить развод его с первою супругою, рожденной Лопухиной, и

второй брак, по пострижении первой супруги, с пленницею Екатериною Алексеевною, ибо пример сей нарушения таинства супружества, ненарушимого в своем существе, показал, что без наказания можно его нарушать. Пусть монарх имел к тому сильные причины, которых однако я не вижу, кроме склонности его к Монсовым и сопротивления жены его новым установлениям; но подражатели его имели ли государственные причины подобное делать. Павел Иванович Егузинской, постригши первую свою жену и женись на другой, рожденной Головкиной, имел ли государственные причины стараться иметь себе потомство, в нарушение Божественных законов? Многия и другия сему подражали и не токмо из вельмож, но и из малочиновых людей, яко князь Борис Солнцев-Засекин сие учинил.

И тако, хотя Россия чрез труды и попечения сего Государя приобрела знаемость в Европе и вес в делах, войски ее стали порядочным образом учрежденны, и флоты Белое и Балтийское море покрыли, коими силами победила давних своих неприятелей и прежних победителей, поляков и шведов, приобрела знатные области и морские пристанищи. Науки и художества, и ремеслы в ней стали процветать, торговля начала ее обогащать, и преобразовались россиане из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые, стали сообщительное, и позорищи благонравные известны им учинились. Но тогда же искренняя привязанность к вере стала исчезать, таинства стали впадать в презрение, твердость уменьшилась, уступая место нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбие положили основание своей власти, а сим побуждено и корыстолюбие к разрушению законов и ко вреду граждан начало проникать в судебные места.

Таково есть состояние, в котором (не взирая на все преграды, которые собственной своей особою и своим примером полагал Петр Великий для отвращения от пороков) в рассуждении нравов осталася Россия по смерти сего великого Государя. Воззрим таперь колико при двух кратких царствованиях Екатерины Первой и Петра II пороки сделали шегов, дабы наиболее утвердиться в России.

Женский пол обыкновенно более склонен к роскошам, нежели мужской, и тако видим мы, что императрица Екатерина Алексеевна Первая, еще при жизни супруга своего Петра Великого, имела уже двор свой. Камергер у нее был Монс, которого излишняя роскошь были первые знаки, доведшия его до поносной смерти; камер-юнкеры ее были Петр и Яков Федоровичи Балковы, его племянники, которые также при несчастьи его от двора были отогнаны. Любила она и тщила украшаться разными уборами и простирала сие хотение до того, что запрещено было другим женщинам подобные ей украшения носить, яко же убирать алмазами обе стороны головы, а токмо позволяла убирать левую сторону, запрещено стало носить горностаевые мехи с хвостиками, которые одна она носила, и сие не указом, не законом введенное обыкновение учинилось почти узаконение, присвояющее сие украшение единой императорской фамилии, тогда как в немецкой земле и мешанки его употребляют. А такое тщание не показывает ли, что естли лета зачели убавлять ее красоту, то уборами, отличными от других, тщила оную превозвысить. Не знаю, справедливо ли сие мнение было, и прилично ли Государю ежечасно подобно как в маскератном платье пред подданными своими быть, якобы не доставало ему других украшеней, могущих его отличить. По восшествии ея на престол, довольно чудным образом воспоследующим, ибо Петр Великий не с тем ея венчал царским венцом, чтоб ея наследницею своею учинить, ниже когда того желал, но умирая, не назнача наследника, вельможи, а именно: князь Меншиков, зная слабость императрицы, Толстой, боясь мщения от сына царевича Алексея Петровича, законного наследника, за привезение и за смерть отца его, вопрося Ивана Ильича Мамонова, подполковника гвардии, надеится ли он на согласие гвардии полков, и получа утвердительный ответ, пред собранными полками ее самодержицею провозгласили. Тако взошла сия Государыня на всероссийский престол, действия недостатку основательных законов. И Петр Великий еще не охладел мертвый, а уже не воля его, не право наследственное и привязанность к крови, но самовольное желание вельмож решило важнейшую вещь в свете, то есть наследство его престола.

Восшествие ее таким образом на престол следующие действия над нравами народными произвело. Она была слаба, роскошь во всем пространстве сего названия, вельможи были

честолюбивы и жадны. А из сего произошло, упражняясь в повседневных пиршествах и роскошах, оставила всю власть правительства вельможам, из которых вскоре взял верх князь Меншиков. Пышность и сластолюбие у двора его умножились, упала древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужем, хотя достойным, но из подлости происшедшим, а место ее заступило раболепство к сему вельможе, могущему все.

Краткое царствование сей императрицы впрочем больших перемен не могло учинить, кроме что ввоз разных драгоценных уборов и вин весьма умножился, и сластолюбие сие во все степени людей проникло, умножило нужды, а умножа нужды, умножило искание способов без разбору, дабы оные наполнить.

Какое тогда состояние было сына царевича Алексея Петровича, по несчастию отца своего лишненного принадлежащего ему наследия? Он был в юных летах, о воспитании его не помышляли, наследником престола его не признавали, и ниже моления в церквах о здравии его было, яко бы надлежало о происшедшем от царского корня, и все его поступки надзираемы были.

Дабы наиболее надзирать его поступки и примечать его слова и движения, определен был к нему младый, умный и честолюбивый человек, князь Иван Алексеевич Долгоруков. Сей, примечая жизнь императрицы Екатерины Алексеевны, и рассуждая, что не уповательно, чтобы две дщери Петра, Великая герцогиня Анна и цесаревна Елисавета, яко до браку рожденные, могли на российский престол после матери своей взойти, вместо чтоб под видом служения князь Петру Алексеевичу быть его предателем, рассудил сыскать его к себе милость и уверенность. В единый день; нашед его единого, пал пред ним на колени, изъясняя всю привязанность, какую весь род его к деду его, Петру Великому, имеет, и к его крови, изъяснил ему, что он по крови, по рождению и по полу почитает его законным наследником российского престола, прося, да уверится в его усердии и преданности к нему. Таковые изъяснения тронули сердце молодого чувствующего свое несчастие князя. Тотчас уверенность последовала подозрениям, а после и совершенная дружба, по крайней мере со стороны князя Петра Алексеевича, сих молодых людей соединила.

Однако князь Меншиков, видя себя правителем государства, стоя толь близко к престолу, не мог осмелиться желать оный себе приобрести, зная, что никто из россиан не потерпит, чтоб, имея еще многих царского рода, он мог, происшедшей из низких людей, похитить себе престол, обратил мысли свои, естли не быть самому Государем, то учиниться его тестем. Князь Петр Алексеевич, оставленный от всех и непризнанный наследником престола, ему показался быть к сему удобным орудием. Но прежде он хотел обязанного ближним родством венского двора мысли о сем узнать, то есть, чтобы и оный согласился оставить ему правление государства до возрасту императора и дочь свою за оного выдать. По бывшим переговорам с графом Вратиславом, послом цесарским, на все сие согласие получил, и цесарский двор прислал 40 тысяч рублей в подарок Госпоже Крамер, камер-фрау императрицы Екатерины Алексеевны, дабы она ее склонила именовать по себе наследником князя Петра Алексеевича. И тако в сем случае российский престол стал покупаться, и не близость крови, но избрание прежде бывшей пленницы, внука Петра Великого и правнука царя Алексея Михайловича на престол толь знатной империи возводило.

Вскоре по именовании своем наследником Российского престола князь Петр Алексеевич, под именем императора Петра II, взошел по смерти императрицы Екатерины Алексеевны. Сила и могущество князя Меншикова умножились, Государь был в юных летах, а сей вельможа, хотя не был именован регентом, но действительно таковым был. А сие самое уже доказует, колико упал дух благородных; при младенчестве царя Иоанна Васильевича законной властью утвержденному совету для управления во время малолетства Государева, боярам, выбранным из среды самих их, из среды знатнейших родов государства, повиноваться не хотели. И когда в болезни своей царь Иоанн Васильевич хотел утвердить престол малолетнему сыну своему, то, не хотя быть управляемы боярами, сыну Государя своего присегать не хотели. Во время

младенчества самого Петра Великого на случай Нарышкиных негодовали, а се ныне из подлости происшедшему мужу, без всякого законного утверждения его власти, бесспорно повиновались. Да рассудит по сему, верность ли сие было к Государю, или падение духу благородного.

Истина заставила меня сие сказать, но я не могу, поелику мне известно, не похвалить поступок князя Меншикова. Он честолюбием на место сие был возведен, но управление его было хорошо, а паче попечении его о воспитании и научении младого Государя; часы были установлены для наук, для слушания дел, для разговоров и обласкания первосановников государства и, наконец, часы для веселия. И можно сказать, что князь Меншиков был купно правитель государства и дятка Государев. Еще бы похвальнее его поступок был, естли бы он не имел собственных своих видов, а делал бы сие для пользы отечества и в воздаяние за то, чем он должен Петру Великому, деду царствующего Государя. Но он не имел толь героической души, и все мысли его клонились, чтобы обручить дочь свою за младого Государя, что наконец противу самой склонности Государя исполнено им было.

Посем приумножил свои старания о воспитании и научении Государя. Взял его жить в дом свой, неотлучно при нем пребывая, и дом князя Меншикова учинился дворец Государев. Во время сие соделал он два дела, которые присоединенные к противу склонности Государевой обручения его с княжною Меншиковою, приключили наконец падение сего вельможи. Первое, был при Государе учитель, родом венгерец, именем Зейкин. Сей противен учинился владычествуемому министру, и сего он в тайне от Государя удалил. Хотя молчанию сие предал Государь, но не оставил подозревать, от кого сей его наставник был удален, не смея и вопрошать о нем, дабы более ему несчастья не приключить. Второе, принесено было от купечества несколько тысяч червонных к Государю, были благосклонно приняты, но тогда случившея тут сестра Государева, принцесса Наталья Алексеевна, сих денег к себе просила. Государь, который весьма любил сестру свою, приказал их отнести еще тогда, как принесшия их купцы в прихожей находились. Встретился князь Меншиков с несомыми сими деньгами в комнату принцессы, их немедленно возвратил, и, пришед в комнату государеву, представлял ему, что таковой немедленно учиненный дар принесенных денег купцами показывает презрение к оным и может огорчить его подданных. Может быть, представил ему и правила бережливости, какие Петр Великий имел. Сие огорчило Государя и сестру его, а подало случай наедине любимцу его, князь Ивану Алексеевичу Долгорукову, представить ему, коль мала его есть власть. Кажется властолюбие в сердцах прежде всего родится, а паче в сердцах монарших, и тако сие оскорбление, тем наивящее, что отметить за него не мог, на сердце младого монарха оставалось.

Однако приличными весельями и удовольствиями, частыми съездами ко двору старался князь Меншиков благопристойным образом в праздные часы веселить своего Государя и зятя. А пример двора, разливаясь сперва на вельмож, а потом и на других граждан, чинил, что и они по мере достатку своего, а иногда и свыше, старались сообществом веселиться, и простота нравов исчезала.

Наконец приходило время падения князя Меншикова, и произошло оно от следующего случая. Сей вельможа, всячески стараясь утешить своего Государя и укрепить движением и трудами его тело, повез его со псовою охотою. Гоньба, травля, и прочее, что веселит в сей охоте, весьма полюбились младому Государю. Часто князь Меншиков отъезжал в мызу свою Оранинбоум, и случилось, что единожды в небытность его в Петербурге, в пасмурной и холодной день, Государь поехал на поле. По возвращении своем, нашел он Меншикова весьма раздраженным сею ездою, которой с тою горячностью, каковая может произойти от желания сохранить его здоровье и от опасности потерю его лишиться толь великого союза, ему представлял, коль нерассудительно было в пасмурное и холодное время ездить и здоровье свое подвергать. Хотя горячи были его изъяснения, но они от усердия происходили, однако младый Государь ощущал только в них единую горячность и яко нарушение почтения к себе, однако скрыл и то в сердце своем: и князь Иван Алексеевич Долгорукий, ищущий погибели Меншикова, дабы самому и род свой на ту степень возвести, не оставил, паче очернить все слова сего вельможи.

Помнится мне, в июле месяце поехал князь Меншиков в мызу свою Оранинбоум для освящения созданные им церкви. Сей ожидаемый уже давно случай и был употреблен к погублению его. Государь, по совету князя Ивана Алексеевича Долгорукова, поехал в Петергоф окружен гвардией, и поведено было князю Меншикову сказать, чтобы он в Петергоф не ездил, а проехал бы прямо в Петербург, где тогда же двору Государеву велено было из дому князя Меншикова выбираться. Тщетно ниспадавший сей министр просил единые милости, чтобы видеть Государя и оправдании свои принести, тщетно княжна Катерина Александровна, его дочь, невеста Государева, писала к великой княжне Наталье Алексеевне, дабы она упростила у Государя, своего брата, прощение родителю ее. Первое, понеже опасались, чтоб сохраняемая некая князем Меншиковым власть и сильные его представления не тронули сердце Государево, а ему отказано было; а нелюбимыя невесты, от коротой избавиться хотел сам Государь, просьбы также действия не возимели, и князь Меншиков по приезде своем в Петербург назавтрее был арестован и сослан в ссылку. Тако ниспал сей пышный вельможа, пример перемены и непостоянства счастья: из низкого состояния почти до трона дошедший, и паки в низость и несчастье свергнутый.

Посем Петр Второй начел править сам государством, естли можно назвать правлением правление юноши Государя. Князь Иван Алексеевич Долгоруков, друг и наперстник Государев, толь ему любимый, что даже на одной постели с ним сыпал, всемогущий учинился. Пожалован немедленно был в обер-камергеры, возложена на него была андреевская лента, пожалован в капитаны гвардии Преображенского полку, гренадерской роты, и все родственники его были возвышены, правя по изволениям их всеми делами империи. Престали науки Государевы, министры лишь для виду были допускаемы; все твердое и полезное отгналось от двора, и, пользуясь склонностию Государевой к охоте, она всех важных упражненной место заняла. Однако, что погубило князя Меншикова, то не устрашило Долгоруких, они употребили старание, дабы им родственницу свою, княжну Екатерину Алексеевну, дочь князя Алексея Григорьевича, сестру же князя Ивана Алексеевича, за Государя обручить. И в сем обручении нечто странное было, ибо хотя обручение сие было в присутствии всех и всего двора, но во время обручение Государь и его невеста были окружены Преображенского Полку гренадерами, которые круг их, под начальством своего капитана князь Ивана Алексеевича Долгорукова, батальон каре составляли.

Князь Иван Алексеевич Долгоруков был молод, любил распутную жизнь и всеми страстями, к каковым подвержены молодые люди, не имеющие причины обуздавать их, были обладаемы. Пьянство, роскошь, любодеяние и насилии место прежде бывшего порядку заступили. В пример сему, ко стыду того века, скажу, что слюбился он, иль лутче сказать, взял на блудодеяние себе, и между прочими жену К.Н.Ю.Т. рожденную Головкину и не токмо без всякой закрытности с нею жил, но при частых съездах у К.Т. с другими своими молодыми сообщниками пивал до крайности, бивал и ругивал мужа, бывшего тогда офицером кавалергардов, имеющего чин генерал-майора, и с терпением стыд свой от прелюбодеяния своей жены сносящего. И мне самому случилось слышать, что единожды, быв в доме сего князя Трубецкого по исполнении многих над ним ругательств, хотел наконец его выкинуть в окошко, и естли бы Степан Васильич Лопухин, свойственник Государев по бабке его, Лопухиной, первой супруге Петра Великого, бывший тогда камер-юнкером у двора и в числе любимцев князя Долгорукова, сему не воспрепятствовал, то бы сие исполнено было. Но любострастие его одною или многими неудовольствовалось, согласие женщины на любодеяние уже часть его удовольствия отнимало, и он иногда приезжающих женщин из почтения к матери его затаскивал к себе и насиловал. Окружающие его однородны и другие молодые люди, самым распутством дружбу его приобретшия, сему примеру подражали, и можно сказать, что честь женская не менее была в безопасности тогда в России, как от турков во взятом граде. Привычка есть и к преступлениям, а сей был первый шаг, которым жены выступали из скромности и тихого жития, которое от древних нравов они еще сохраняли.

Отец его, князь Алексей Григорьевич, человек посредственного разума, и единственно страстен к охоте, для коронации Государей всегда бывають в Москве, то после оной и

присоветовал ему там утвердить свое житие, остав я навсегда Петербурх. Приехал двор в Москву, но распутство не престало, по месяцу и по два отлучении Государево для езды с собаками остановило течение дел; сила единого рода учинила, что токмо искатели в оном чины и милости получали, а другие уже и к грабежу народа приступали. Желания угодить роскошным Долгоруким юношам пиры со всею знаемою для них роскошью делали.

Возрим таперь, какие были сии езды Государевы на охоту, и какия были там упражнении. Ибо пример двора великое действие над образом мысли и всех подданных имеет. Ездил Государь в Боровском, Коломенском и других уездах иногда и по месяцу, ежедневно, не взирая ни на сырую погоду, ни на холод, езда с собаками была от утра до вечера. Окроме, что охота Государева, при которой и сокольники находились, и все придворные, которые поневоле должны были охотниками сделаться, со всей России собранные знаемейшия охотники-дворяне имели позволение быть при охоте Государевой. То коль сие должно было составить великую толпу людей и коликое множество собак. Всякой из сего себе представить может, пощажены ли были тогда поля с хлебом, надежда земледельца, стада скота, хотя и отгонялись, но не могли ли иногда с сею толпою собак встретиться. А окружающие Государя вельможи, которые были тогда же и охотники, для удовольствия своего не представляли молодому и незнающему Государю, колико таковые езды вред земледелию наносят. Иззябши возвращался Государь вечеру на квартиру, тут встречала его невеста его княжна Долгорукова, со множеством жен и девиц, и бал начинался, которой иногда гораздо поздно в ночь был продолжен. Младые Государевы лета от распутства его сохраняли, но подлинно есть, что он был веден, чтобы со временем в распутство впасть; а до тех мест любимец его, князь Иван Алексеевич Долгоруков, всем сам пользовался, и утружденного охотою Государя принуждал по неволе представляемые ему веселья вкушать.

Наконец возвратился Государь в Москву из Коломенского уезду, новые начелись веселья, ежедневно медвежья травля, сажание зайцов, кулашные бои, с весельями придворными все часы жизни его занимали, даже как, простудясь, занемог воспою, в девятый день скончался, и вся надежда Долгоруких, яко скудельный сосуд о твердый камень сокрушилась. Осталось токмо памяти сего царствования, что неисправленная грубость с роскошью и с распутством соединилась. Вельможи и вышние впали в роскошь, жены стыд, толь украшающий их пол, стали оный забывать, а нижние граждане приобыкли льстить вельможам.

Однако по смерти Петра Второго никого не было назначенного к приятию российского престола. Первостепенные вельможи собрались дабы учинить важное решение, кого во владыки толь великой части света возвести. Коль ни дерзки, коль ни самолюбивы, однако не смели без взятия мнения от именитейших благородных сего решить. Разные мнения были подаваны. Иные представляли, что как вторая супруга Петра Великого уже царствовала над Россиею, то надлежит взять из монастыря первую супругу Петра Великого и оную на престол возвести. Другие представляли, что есть в живых две дочери Петра Великого, принцесса Анна в супружестве за герцогом Голштинским и принцесса Елисавета в девицах, и хотя они и прежде браку рождены, но как уже законными признаны, то рождение их не препятствует взойти на российский престол... Третьи представляли принцессу Екатерину, герцогиню Меклембургскую, старшею дочь царя Иоанна Алексеевича, наконец четвертые принцессу Анну вдовствующую герцогиню Курляндскую.

Уже собиравшиися вельможи предопределили великое намерение, ежели бы самолюбие и честолюбие оное не помрачило, то есть учинить основательные законы государству и власть Государеву сенатом или парламентом ограничить. Но заседание в сенате токмо несколькими родам предоставили, тако, уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее множества вельможам, со огорчением множества знатных родов, и вместо одного толпу Государей сочиняли. Сии вельможи прияли в рассуждение разные выше предложеныя мнения о наследстве престола. Были многие и дальновиднейшие, которые желали возвести царицу Евдокию Федоровну на российский престол, говоря, что как она весьма слабым разумом одарена, то силе учрежденного совету сопротивляться не может, а чрез сие даст время утвердиться постановляемым

узаконениям в предъосуждения власти монаршей. Но на сие чинены были следующие возражения. Что закон препятствует сан монашеский, хотя и по неволе возложенной, с нее снять, и что она, имевши множество родни Лопухиных, к коим весьма была привязана, род сей усилится и может для счастья своего склонить ее разрушить предполагаемые постановления. Дочерей Петра Великого, яко незаконнорожденных, отрешили. Принцессу Екатерину Иоанновну, герцогиню Мекленбургскую, отрешили ради беспокойного нрава ея супруга, и что Россия имеет нужду в покое, а не мешания в дела сего герцога, по причине его несогласия с его дворянством. И наконец, думая, что толь знатное нечаянно предложенное наследство герцогини Анне Ивановне заставит искренно наблюдать полагаемые ими статьи. А паче всего склонил всех на избрание сие князь Василий Лукич Долгоруков, которой к ней особливую склонность имел и, может быть, мнил, отгнав Бирона, его место заступить. Все сии на сие согласились, и он сам послан был с пунктами призывать ее на престол российский, естли будет обещаться и подпишет сии предустановляемые законы.

Герцогиня Анна не отреклася подписать уменьшающия российского императора власть статьи, которые ее возводили из герцогинь Курляндских в российския императрицы, и, поехав из Митавы, недоехав до Москвы за семь верст, остановилась в селе Всесвяцком, принадлежащем царевичу Грузинскому, в его доме, во ожидании приуготовления торжественного ея вшедствия в Москву. А тогда же было дано дозволение всем благородным приезжать в оное село для принесения своего поздравления Государыне. Долгорукия знали, что множество благородных были весьма недовольны учиненными ими статьями, которые в руки некоторых родов всю власть правительства вручали; и сего ради имели великую осторожность, дабы кто какой записки, подходя к руке, не подал, и сего ради всегда кто из Долгоруких стоял возле Государыни, повелевая всем подходящим к руки иметь руки назади, не принимая руку монаршу на свою, как сие обыкновенно есть.

И подлинно еще прежде приезда в Москву императрицы Анны, известно было Долгоруким и другим, что некоторым уменьшение власти монаршей противно было; яко сие оказалось, что Павел Иванович Егузинской, генерал-прокурор, зять же канцлера Гаврила Ивановича Головкина, послал тайно от себя офицера, Петра Спиридоновича Сумарокова, с письмом, увещающим герцогиню Курляндскую не подписывать посланные к ней с князь Василием Лукичем пункты. Сие письмо было оным князем Долгоруковым поймано, и он посланного немилосердно сам бил, о таком писании, сообщил в московской вельмож совет, которой и намерялся Павла Ивановича немедленно казнить, но предложении князь Григорья Алексеевича Долгорукова, чтоб таковую счастливую перемену кровию подданого не обагрять, и он впредь до решения посажен был под жестокою стражу.

Сказал я уже выше, что дух благородной гордости и твердости упал в сердцах знатно рожденных россиянех; и тако, хотя великая часть ощущала неудовольствие, но никто ни к чему смелому приступити не дерзал. Однако, естли не точно пользою отечества побуждены, то собственными своими видами, нашлись такие, которые предприняли разрушить сие установление. Феофан Прокопович, архиепискуп Новгородский, муж исполненный честолюбия, хотел себе более силы и могущества приобрести. Василий Никитич Татищев, человек разумный и предпрительный, искал своего счастья. Князь Антиох Дмитриевич, человек ученой, предпрительной, но бедный по причине права перворождения брата своего, князь Дмитрия Дмитриевича, искал себе и почестей и богатства, которые надеялся чрез умысел свой противу установления получить, и тем достигнуть еще до желания его жениться на княжне Варваре Алексеевне Черкасской, дочери и наследнице князь Алексея Михайловича Черкаского, богатейшего из российских благородных. Сии три, связанные дружбою, разумом и своими видами, учинили свое расположение для разрушения сделанного Долгорукими узаконения. Они во первых открылись в сем князь Алексею Михайловичу Черкасскому, человеку весьма недовольному Долгорукими, а паче за причиненные ими оскорбления князь Никите Юрьевичу Трубецкому, его шурина. Сей человек молчеливый, тихий, коего разум никогда ни в великих

чинах не блистал, но повсюду являл осторожность, не вошел точно сам в сей умысел, а довольствовался токмо стараться о мнениях подданных императрице сообщить. Сие он исполнял чрез свояченицу свою, Прасковью Юрьевну Солтыкову, супругу Петра Семеновича, но Солтыковы несколько в свойстве с императрицею. Сия жена хитрая и нашла способ, быв при надзираемой императрице, наедине ей записку о начинающихся намерениях сообщить.

Однако воспоследовала коронация, и императрица Анна Иоанновна, не яко самодержавная, но яко подчиненная неким установлениям, была коронована. Долгорукия и их сообщники несколько успокоились, мня, что сила клятвы, учиненной императрицею при коронации, воздержит ее сделать какую перемену. Тщетная надежда. Императрица после коронации своей не столь стала наблюдаема, а потому о продолжении умыслу возвратить ей самодержавство удобнее известия получала, а Прокопович и Кантемир, сочиня челобитную от всех граждан, наспех множеству недовольных дали ее подписать, и наконец, вдруг в назначенный день, под предводительством князя Черкасского представ на аудиенцию к императрице, подали ей челобитную, по прочтении которой, яко снисходя на желание народное подписанные пункты были принесены, ею самою были разодраны, она самодержавной учинилась, а вскоре несчастье Долгоруких последовало.

Обстоятельства сии хотя казались бы и несовместны с описанием состояния нравов, однако естли кто прилежно рассмотрит оные, то умоначертание народное и перемены мыслей ясно усмотрит; и так можно сказать, что бываемые перемены в государствах всегда суть соединены с нравами и умоначертанием народным. Воззрим же таперя, как при правлении сея императрицы, наивяще упала твердость в сердцах, и как роскошь наиболее стала вкореняться. А для показания сего надлежит рассмотреть, во-первых, обычаи самой сей императрицы, второе, обычаи ее любимца Бирона, после бывшего герцогом Курляндским, и его могущество, и третье, состояние двора, и какая были сделаны при сей Государыни учреждения в рассуждении великолепия оногo.

Императрица Анна не имела блистательного разуму, но имела сей здравый рассудок, который тщетной блистательности в разуме предпочтителен; с природы нраву грубого, отчего и с родительницею своею в ссоре находилась, и ею была проклетая, как мне известно сие по находящемуся в архиве Петра Великого одному письму от ее матери, ответственному на письмо императрицы Екатерины Алексеевны, чрез которое она прощает дочь свою, сию императрицу Анну. Грубой ее природный обычай не смягчен был ни воспитанием, ни обычаями того века; ибо родилась во время грубости России, а воспитана была и жила тогда, как многие строгости были оказуемы, а сие учинило, что она не щадила крови своих подданных и смертную мучительную казнь без содрагания подписывала, а может статься и еще к тому была побуждаема и любимцем своим Бироном. Не имела жадности к славе, и потому новых узаконеней и учрежденей мало вымышляла, но старалась старое учрежденное в порядке содержать. Довольно для женщины прилежна к делам и любительница была порядку и благоустройства, ничего спешно и без совету искуснейших людей государства не начинала, отчего все ее узаконения суть ясны и основательны. Любила приличное великолеpie императорскому сану, но толико, поелику оно сходственно было с благоустройством государства. Не можно оправдать ее в любострастии, ибо подлинно, что бывшей у нее гофмейстером Петр Михайлович Бестужев имел участие в ея милостях, а потом Бирон и явно любимцом ее был; но наконец при старости своих лет является, что она его более яко нужного друга себе имела, нежели как любовника.

Сей любимец ея Бирон, возведенной ею в герцоги Курляндские, при российском же дворе имеющей чин обер-камергера, был человек, рожденный в низком состоянии в Курляндии, и сказывают, что он был берейтор, которая склонность его к лошадям до смерти его сохранялась. Впрочем был человек, одаренный здравым рассудком, но без малейшего просвещения, горд, зол, кровожаждущ, и не примирительный злодей своим неприятелям. Однако касающе до России он никогда не старался во время жизни императрицы Анны что либо в ней приобрести, и хотя в рассуждении Курляндии снабжал ее сокровищами российскими, однако зная, что он

там от гордого курляндского дворянства ненавидим и что он иначе как сильным защищением России не может сего герцогства удержать, то и той пользы пользам России подчинял. Впрочем был груб, яко свидетельствует единый его поступок, что ездив на малое время к границам Курляндии и нашед мосты худы, отчего и карета его испортилась, призвав сенаторов, сказал, что он их вместо мостовин велит для исправления мостов положить. Сие первого правительства присутствующие, правительство, к которому Петр Великий толикое почтение имел, принуждены были от любимца-чужестранца вытерпеть безмолвенно. Толико уже упала твердость в сердцах россиян.

Правление императрицы Анны было строго, а иногда и тираническое. За самые малейшия дела сажали в тайную канцелярию, и в стене соделанные казармы петербургской крепости недовольны были вместить сих несчастных. Казни были частые, яко Долгорукие, быв прежде за тщание их ограничить власть монаршу, были сосланы, а потом за ту же вину из Сибири привезены и переказнены в Шлюссембурхе, а бывшей и не сослан князь Григорей Федорович Долгоруков, назначенный уже в польское посольство, за то что уведано было, что Долгоруковы князь Алексей Григорьевич с сыном и другие сочинили духовную, которой якобы при смерти своей Петр Второй признавал, что имел сообщение с княжною Екатериною Алексеевною и оставлял ее беременну, и сего ради оказывал свое желание возвести ее на престол, духовную сию переписывал, но тогда же силою своих представлений учинил сие безумное сочинение, бесчещущее княжну Долгорукову без всякия пользы, уничтожить, также смертную казнь токмо за переписку претерпел; и учинен был указ, дабы Долгоруких не производить. Было гонение и на род Голицыных: князь Дмитрий Михайлович, человек разумнейший того века, был сослан в ссылку, и напрасное его осуждение довольно видно по самому манифесту его сослания, дети его: князь Сергей Дмитриевич, дабы отдалить его от двора, послан был в Казань в губернаторы, а князь Алексей Дмитриевич, бывшей тогда уже штатским действительным советником, послан нижним офицером в Кизляр. Князь Петр Михайлович Голицын, который и услуги Бирону показал, без всякого суда, из камергеров послан был в Нарым в управители; а наконец Артемий Петрович Волынский, обер-егермейстер, по единой его ссоре и неприязни бироновой был с принуждением им воли самой Государыни мучительными пытками пытан и потом казнен. Дело его толь мало доводило его до какого наказания, что мне случилось слышать от самой ныне царствующей императрицы, что она, прочетши его с прилежностью, запечатав, отдала в сенат с надписанием, дабы наследники ея прилежно прочитывали оное и остерегались бы учинить такое неправосудное бесчеловечие. Но можно сказать с единым стихотворцем:

На пышные верхи гром чаще ударяет.

Хотя трепетал весь двор, хотя не было ни единого вельможи, который бы от злобы Бирона не ждал себе несчастья, но народ был порядочно управляем. Не был отягощен налогами, законы издавались ясны, а исполнялись в точности, страшились вельможи подать какую причину к несчастью своему, а не быв ими защищаемы, страшились и судьи что неправое сделать, или мздоимству коснуться. Был уставлен кабинет, где без подчинения и без робости един другому каждый мысли свои изъяснял, и осмеливался самой Государыне при докладах противуречить, ибо она не имела почти никогда пристрастия то или другое сделать, но искала правды. И так по крайней мере лезть в таковых случаях отогнана была, да можно сказать, и не имела она льстецов из вельможей, ибо просто следуя законам, дела надлежащим порядком шли. Леты же ее и болезни ей не оставляли время что другое предпринимать; чины и милости все по совету или лучше сказать по изволению Бирона, герцога Курляндского, истекали; имела она для своего удовольствия несколько женщин, а именно: княгиню Аграфену Александровну Щербатову, к которой, как по веселому ее нраву, так и по другим причинам привязана была; Анну Федоровну Ешкову и Мелгариту Федоровну манахиню, которых еще императрица знала, когда в молодости своей, когда они были при дворе простыми девушками. Любила шутов и дураков, и были при ней князь Никита Федорович Волконской, Балакирев и князь Михайло Голицын, которые иногда и с больными есть шутками ее веселили. Се высший знак деспотичества, что благороднейших

родов люди в толь подлую должность были определены. Но вместо ее все вельможи дрожали перед Бироном. Единый взгляд его благороднейших и именитейших людей в трепет приводил, но толь был груб и неприступен, что ниже и лести место давал. Однако были некоторые преданные, то есть граф Остерман, которого он другом почитал и уважал его по делам, принимая от него советы, и князь Александр Борисович Куракин, обершталмейстер, угождал ему лошадами, яко умной человек льстил ему словами, и яко веселой веселил иногда Государыню своими шутками, и часто соделанные им в пьянстве продерзости, к чему он склонен был, ему прощались. Петр Федорович Балк шутками своими веселил Государыню и льстил герцогу, но ни в какие дела впущен не был.

Сказал уже я выше, что императрица Анна Иоановна любила приличное своему сану великолепие и порядок, и тако двор, который еще никакого учреждения не имел, был учрежден, умножены стали придворные чины, серебро и золото на всех придворных возблистало, и даже ливрея царская сребром была покровенна; уставлена была придворная конюшенная канцелярия, и экипажи придворные всемогущее блистание того времени возымели. Итальянская опера была выписана, и спектакли начелись, так как оркестр и камерная музыка. При дворе учинились порядочные и многолюдные собрания, балы, торжества и маскарады.

А все вышеописанное и показывает, какие шаги обстоятельствами правления и примерами двора злые нравы учинили. Жестокость правления отняла всю смелость подданных изъяснять свои мысли, и вельможи учинились не советниками, но дакальщиками государевыми и его любимцев во всех таких делах, в которых имели причину опасаться противуречием своим неудовольствие приключить; любовь к отечеству убавилась, а самство и желание награжденей возрасло. Великолепие, введенное у двора, понудило вельмож, а подражая им и других умножить свое великолепие. Оно уже в платьях, столах и других украшениях начинало из меры выходить; так что самую императрицу Анною примечено было излишнее великолепие, и изданным указом запрещено было ношение золота и серебра на платье, а токмо позволено было старое доносить, которые платья и были запечатаваны. Но тщетное приказание, когда сам двор, а паче тогда по причине сыновей герцога Курляндского, людей молодых, в сей роскошь впал. Не токмо сей роскошь виден был на торжественных одеяниях придворных и других чинов людей, но даже мундиры гвардии офицеров оной ощущали, а паче мундиры конной гвардии, которые тогда были синия с красными обшлагами, выкладенные петлями и по швам широким золотым галуном. Многия из знатных людей стали иметь открытые столы, яко фелтмаршал граф Миних, вице-канцлер граф Остерман, хотя впрочем весьма умеренно жил; Гаврила Иванович Головкин, генерал-адмирал, граф Николай Федорович Головин и другие. Число разных вин уже умножилось, и прежде незнаемые шемпанское, бургонское и канское стало привозиться и употребляться на столы. Уже вместо сделанных из простого дерева мебели стали не иные употребляться как англиския, сделанные из красного дерева мегагена, дома увеличились, и вместо малого числа комнат уже по множеству стали иметь, яко свидетельствуют сие того времени построенные здания, начели дома сии обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойным иметь комнату без обоев, зеркал, которых сперва весьма мало было, уже во все комнаты и большия стали употреблять. Экипажи тоже великолепие восчувствовали и экипажи, богатые, позлащенные кареты, с точеными стеклами, обитые бархатом, с золотыми и серебряными бахрамами, лутчие и дорогие лошади, богатые тяжелые и позлащенные и посеребренные шоры, с кутасами шелковыми и с золотом или серебром, также богатые ливреи стали употребляться. А паче таковой роскошь был виден, ибо он по приказанию учинен, во время свадьбы принцессы Анны Меклембургской, племянницы императрициной, за принца Антона Ульриха Броуншвейского.

Всякой роскошь приключает удовольствие и некоторое спокойствие, а потому и приемлется всеми с охотою, и по мере приятности своей распространяется. А отсега, от великих, принимая малые, повсюдова он начел являться; вельможи, проживаясь, привязывались более ко двору, яко ко источнику милостей, а нижния к вельможам для той же причины. Исчезла

твердость, справедливость, благородство, умеренность, родство, дружба, приятство, привязанность к Божию и к гражданскому закону, и любовь к отечеству; а места сии начинали занимать презрение Божественных и человеческих должностей, зависть, честолюбие, сребролюбие, пышность, уклонность, раболепность и лесть, чем каждый мнил свое состояние сделать и удовольствоваться свои хотении.

Однако между множества людей оставалось еще великое число, которые, не быв толь близко у двора, сохраняли древнюю строгость нравов; и правосудие, естли не по склонности, но по крайней мере по страху казней, исполняемое, еще в довольном равновесии весы свои сохраняло. При таковых обстоятельствах (по кратком правлении принцессы Анны, вместо сына ея, принца Иоанна Брауншвейского, именованного наследником империи умирающей императрицею Анною) принцесса Елисавета, дочь Петра Великого и императрицы Екатерины, взшла на российский престол.

Умалчивая, каким образом было учинено возведение ее на всероссийский престол гренадерскою ротою Преображенского полку, и многия другия обстоятельства, приступаю к показанию ее умоначертания, яко служащему к показаниям причин развратности нравов. Сия Государыня из женского полу в младости своей была отменной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра, от природы одарена довольным разумом, но никакого просвещения не имела, так что меня уверял Дмитрий Васильевич Волков, бывшей конференц-секретарь, что она не знала, что Великобритания есть остров; с природы веселого нрава и жадно ищущая веселей, чувствовала свою красоту и страстна умножать ее разными украшениями; ленива и недокучлива ко всякому требующему некоего прилежания делу, так что за леностию ея не токмо внутренние дела государственныя многия иногда леты без подписания ея лежали, но даже и внешния государственныя дела, яко трактаты, по несколько месяцев за леностию ея подписать ее имя у нее лежали; роскошна и любострастна, дающая многую поверенность своим любимцам, но однако такова, что всегда над ними власть монаршу сохраняла.

Хотя она, при шествии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса Нерукотворенного обещалась, что естли взойдет на родительской ей престол, то во все царствование свое повелением ея никто смертной казни предан не будет; однако, приняв престол, многих из вельмож повелела судить, в чем? в том, что они к царствующим тогда Государем были привязаны, и что, не почитая ее наследницею престола, но опасаясь имя ея родителя и рождения ее, давали сходственные с пользою тех Государей предосудительныя ей советы, и оные были осуждены на смерть, приведены к ешофоту, и хотя свобождению от казни получили, но были в ссылки разосланы. Таков был отличной своим разумом генерал-адмирал граф Остерман, который управлением своим министерских дел многия пользы России приобрел; таков был фелтмаршал граф Миних, многожды победитель над турками и первый из европейских вождей, который укротил гордость сего вражеского христианем народа. Сии и некоторые другия были за усердие их к императрице Анне и принцу Иоанну сосланы в ссылку. Но одни ли они усердны к ним были и верно им служили? Вся Россия четырнадцать лет в том же преступлении была, а окружающие двор, доследуя изволениям императрицы Анны, и весьма малое уважение к принцессе Елисавете имели, следственно и все справедливо должны были опасаться ее мщения, хотя не казни, но ссылки. Сему единый пример приложу. При восшествии на престол, был дежурным генерал-адъютантом граф Петр Семенович Солтыков. Родственник же его Василей Федорович Солтыков, человек злой и глупый, имел сведение о намерениях принцессы Елисаветы. И когда вышеименованный дежурный генерал-адъютант был арестованной приведен пред вновь восшедшую императрицу и пал к ней на колени, тогда родственник сей Василей Федорович Солтыков ему сказал, что вот таперь ты стоишь на коленях перед нею, а вчерась и глядеть бы не хотел, и готов бы всякое ей зло сделать. Поражен такими словами, не мог граф Петр Семенович ничего ответствовать. Но милостивое снисхождение самой Государыни, запретившей врать Василью Федоровичу, его ободрило.

В таком страхе находился весь двор, а где есть страх, тут нет твердости. Первый бывший не весьма любимым при дворе принцессы Анны князь Никита Юрьевич Трубецкой вошел в

силу. Человек умной, честолюбивый, пронырливый, злый и мстительный, быв пожалован в генерал-прокуроры, лъстя новой императрице, и может быть, имея свои собственные виды, представлял о возобновлении всех законов Петра Великого. Почитающая память родителя своего императрица Елисавета на сие согласилась, и все узаконения императрицы Анны, которые были учинены в противность указам Петра Великого, кроме о праве перворождения в наследстве, были уничтожены, между коими многие весьма полезныя обретались. Лъстя Государю, надлежало лъстить и его любимцу, а сей был тогда Алексей Григорьевич Разумовской, после бывший графом. Сей человек из Черкас, из казаков, был ко двору принцессы Елисаветы привезен в певчия, учинился ее любовником, был внутренно человек доброй, но недалекого рассудку, склонен, как и все черкасы, к пьянству, и так сей его страстию старались ему угождать. Степан Федорович Апраксин, человек также благодетельной и доброго расположения сердца, но мало знающ в вещах, пронырлив, роскошен и честолюбив, а к тому и хотя не был пьяница, но не отрекался иногда в излишность сию впадать, и привезенный из ссылки граф Алексей Петрович Бестужев, бывший при императрице Анне кабинет-министром и добрым приятелем Бирону, за которого он и в ссылку был сослан. Человек умной, чрез долгую привычку искусный в политических делах, любитель государственной пользы, но пронырлив, зол и мстителен, сластолюбив, роскошен и собственно имеющий страсть к пьянству. Сии двое, пив с ним вместе и угождая сей его страсти, сочинили партию при дворе, противную князь Никите Юрьевичу Трубецкому.

Были еще другие, носящие милость на себе монаршу, сии суть родственники императрицыны, по ее матери императрице Екатерине Алексеевне, и по бабки ее Натальи Кирилловне, и оные первые были Ефимовския, Скавронския и Гендриковы, о которых о всех генерально можно сказать, что они были люди глупые и распутные; поумнее или, лучше сказать, поживея из них изо всех был, но и тот был недалек, Николай Наумович Чеглоков, за которого ближняя свойственница Государынина Марья Симоновна Гендрикова была выдана; и Михайло Ларионович Воронцов, женатой на Анне Карловне Скавронской, двоюродной сестре императрицы, после пожалованной графом и бывший канцлером, коего тихой обычай не позволял оказывать его разум, но по делам видно, что он его имел, а паче дух твердости и честности в душе его обитал, яко самыми опытами он имел случай показать. Вторые были Нарышкины, и хотя род сей и довольно многочислен, но ближним родственником своим считала императрица Александра Львовича Нарышкина, к которому всегда отличное уважение показывала.

Потом были в особливом уважении у двора те, которые знали о намерениях императрицы взойти на престол, и сии были, кроме Михаила Ларионовича Воронцова, князь Гессен-Гомбургской и его супруга кнегиня Катерина Ивановна, и Василей Федорович Солтыков с его женою.

Признательность императрицы простиралась и на тех, которые у двора ее с верностию ей служили, и сии были: два брата Александр и Петр Ивановичи Шуваловы, которого второго жена Мавра Егоровна и любимица императрицына была, и о сей последней чете буду иметь случай впредь упомянуть. Скворцов, Лялин, Возжинской и Чулков, из которых некоторые и из подлости были.

Все сии разные награждения получили, а недостаточные стали обогащены. И как не одно рождение, и по долголетним службам полученные чины стали давать преимущество у двора, то и состояния смешались, и что из подлости или из незнатных дворян происшедшей, обогащенный по пышности делал, того знатной, благородной или заслуженной, но ненагражденной человек за стыд почитал не делать.

Когда смешались состояния, когда чины начели из почтения выходить, а достатки не стали равняться, единые, от монаршей щедроты получая многое, могли много проживать, а другие, имея токмо рождение и службу и небольшой достаток, с ними восхотели равны быть, тогда естественно роскошь и сластолюбие сверху вниз стали преходить и раззорять нижних; а как сие сластолюбие никогда пределов излишностям своим не полагает и самые вельможи начели

изыскивать умножить оное в домах своих. Двор, подражая или, лутче сказать, угождая императрице, в златотканная одежды облакался; вельможи изыскивали в одеянии все, что есть богатея, в столе все, что есть драгоценнее, в пище, что реже, в услуге возобновя древнею многочисленность служителей, приложили к оной пышность в одеянии их. Екипажи возблистали златом, дорогая лошади, не столько для нужды удобные, как единственно для виду, учинились нужные для вожения позлащенных карет. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всех комнатах, дорогами мебелью, зеркалами и другими. Все сие составляло удовольствие самым хозяевам, вкус умножался, подражание роскошнейшим народам возрастало, и человек делался почитателен по мере великолепное его житья и уборов.

Очевидный будучи свидетель роду жизни и сластолюбия тогдашнего времени, я некоторые примеры потщуся представить. Граф Алексей Петрович Бестужев имел толь великой погреб, что он знатной капитал составил, когда после смерти его был продан графом Орловым. Палатки, которые у него становливались на его загородном дворе на Каменном Острове, имели шелковые веревки. Степан Федорович Апраксин всегда имел великой стол, гардероб его из многих сот разных богатых кавтанов состоял; в походе, когда он командовал российской армиею противу прусского короля, все спокойствию, все удовольствию, какие возможно было иметь в цветущем торговлею граде, с самою роскошию при звуке оружий и беспокойстве маршей ему последовали. Полатки его величиною город составляли, обоз его более нежели 500 лошадей отягчал, и для его собственного употребления было с ним 50 заводных богато убранных лошадей. Граф Петр Борисович Шереметев, сперва камергер, а потом генерал-аншеф и генерал-адъютант, богатейший тогда в России человек, как по родителе своем графе Борисе Петровиче Шереметеве, так и по супруге своей графини Варваре Алексеевне, рожденной княжне Черкасской, дочери и наследнице князь Алексея Михайловича Черкасского, человека также весьма богатого. Человек весьма посредственной разумом своим, ленив, незнающ в делах, и, одним словом, таскающей, а не носящей свое имя, и гордящейся единым своим богатством, в угодность монархине со всем возможным великолепием жил; одежды его наносили ему тягость от злата и серебра и блистанием ослепляли очи; экипажи его, к чему он и охоты не имел, кроме что лутчего вкусу, были выписаны из Франции, были наидрагоценнейшия, стол его великолепен, услуга многочисленна, и житье его, одним словом, было таково, что не одинажды случалось, что нечаянно приехавшую к нему императрицу с немалым числом придворных, он в вечернем кушанье, якобы изготовляясь, мог угощать. А сие ему достоинством служило, и он во всяком случае у двора, не взирая на разные перемены в рассуждении его особы, был особливо уважаем. Граф Иван Григорьевич Чернышев, сперва камер-юнкер, а потом камергер, человек не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный, и, словом, вмещающий в себе все нужные качества придворного, многия примеры во всяком роде сластолюбия подал. К несчастию России, он немалое время путешествовал в чужие края, видел все, что сластолюбие и роскошь при других европейских дворах наиприятнейшего имеют, он все сие перенял, все сие привез в Россию, и всем сим отечество свое снабдить тщился. Одежнии его были особливого вкусу и богатства, и их толь много, что он единожды вдруг двенадцать кавтанов выписал, стол его, со вкусом и из дорогах вещей соделанной, обще вкус, обоняние и вид привлекал; экипажи его блистали златом, и самая ливрея его пажей была шитая серебром; вины у него были на столе наилутчия и наидражайшия. И подлинно он сим некоторое преимущество получал, яко человек имеющей вкус, особливо всегда был уважаем у двора, женился на богатой невесте Ефимовской, родне Государыни и любимой ею, потом учинился другом фавориту Ивану Ивановичу Шувалову, чрез него прежде других тогда весьма в почтении находящуюся ленту польскую белого орла получил, а сим же защищением чрез сенат за малую цену, то есть не более 90 000 рублей, получил медная заводы, где слишком на сто тысяч готовой меди было, и которые, чрез несколько лет приведенные им в разоренье, с великим иском на них, за 700 000 продал обратно короне.

Вкореняющаяся такая роскошь проникла и в такие состоянии людей, которые бы по чинам и обстоятельствам своим не имели нужду ее употреблять. Князь Борис Сергеевич Голицын, сперва отбегавшей от службы порутчик или капитан, а потом отставной майор, оную в Москве

колико возможно оказывал; богатые одеяния его и жены его, ливреи, экипажи, стол, вины, услуга и прочее, все было великолепно. Таковое роскошное житье привлекало ему некоторой род почтения, но изнуряло его состояние, так как и действительно он как от долгов частным людям, так и от долгов казне разоренный умер, и жена его долгое время должна была страдать и претерпевать нужду в платеже за безумие своего мужа, для оплаты нажитых долгов.

Тако сластолюбие повсюду вкоренялось, к разорению домов и к повреждению нравов. Но где оно наиболее оказало вредных своих действий? И где оно, соединяясь с пышностию и властолюбием, можно сказать, оказало свою победу над добрыми нравами? Сие было в особе графа Петра Ивановича Шувалова. Имя сего мужа памятно в России не токмо всем вредом, который сам он причинил, но и примерами, которые он оставил к подражанию. Род Шуваловых у нас никогда в великих чинах не бывал, и отец сего Шувалова, Иван Максимыч, в младости своей у деда моего, брата родного моего деда князь Юрья Федоровича Щербатова, у князь Федора Федоровича был знакомцем. Вошед в службу, долговременным продолжением оныя достиг наконец до генерал-майорского чину, был губернатором у города Архангельского откуда отец мой его сменил, и оттуда был употреблен в губернаторы или в Ригу или в Ревель, где и умер. Он был человек умный и честной, имел двух сыновей Александра и Петра Ивановичей, которым дав приличное воспитание, определил их в службу ко двору цесаревны Елисаветы Петровны. В царствование императрицы Анны Ивановны старались наполнять двор сей цесаревны такими людьми, которые бы ни знатности рода, ни богатства не имели, и тако сии достигли из пажей даже до камер-юнкеров. Петр Иванович Шувалов был человек умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный, был женат на Мавре Егоровне Шепелевой, женщине исполненной многими пороками, а однако любимице императрицыной. Он, пользуясь напаметованием прежней своей службы, когда быв при дворе ее, яко цесаревны, разделял ее утеснения, и милостию императрицы к жене его, с самого начала приятия престола императрицы Елисаветы Петровны отличную стал иметь силу; вскоре был пожалован в камергеры, и разумом своим, удобным к делам и ко льсти, силу свою умножил, пожалован был в генерал-порутчики и присутствовать в сенат. Тут соединяя все, что хитрость придворная наитончайшего имеет, то есть, не токмо лесть, угождение монарху, подслуживанье любовнику Разумовскому, дарение всем подлым и развратным женщинам, которые были при императрице и которые единые были сидельщицы у нее по ночам, иные гладили ее ноги, к пышному не многознающему красноречию. Проникнул он, что доходы государственные не имеют порядочного положения, а императрица была роскошна и сластолюбива; тогда когда сенат, не имея сведения о суммах, где какия находятся, всегда жаловался на недостаток денег, сей всегда говорил, что их довольно, и находил нужные суммы для удовольствия роскоши императрицы. Дабы на умножающееся сластолюбие иметь довольно денег, тогда как другие, взирая на недостаток народный, не дерзали ничего накладывать, сей, имея в виду свою пышность и собственные свои пользы, увеличил тщаниями своими доходы с винных откупов, и для удовольствия своего корыстолюбия сам участником оных учинился. Монополии старался вводить, и сам взял откуп табаку, рыбные ловли на Белом и Леденом море, и леса алониккия, за все получая себе прибыль. При милосерднейшей Государыне учредил род инквизиции, изыскиющей корчемство, и обагрив российские области кровию пытаных и сеченных кнутом, а пустыни сибирские и рудники наполнил сосланными в ссылку и на каторги, так что считают до 15 000 человек, претерпевших такое наказание. Взирая на торговлю, умножил пошлины на товары без разбору, и тем приумножением убытку по цене оны, при умножении сластолюбия, принужденно многих в разорение повлек. Умножил цену на соль, а сим самым приключил недостаток и болезни в народе. Коснувшись до монеты, возвышал и уменьшал ее цену, так что пятикопеешники медные привел ходить в грош, и бедные подданные на капитале медных денег, хотя не вдруг, но три пятых капиталу своего потеряли; по его предложению делана была монета медная по осми рублев из пуда, а потом опять переделавана по шестнатцати рублев из пуда. Хотя ни одно из сих действий не было учинено без тайных прибытков себе, но еще дошедши до чину генерал-фельдцейхмейстера, и быв подкрепляем родственником своим Иваном Ивановичем

Шуваловым, которого ввел в любовники к любострастной императрице, тогда когда повсюдова в Европе умножали артиллерию, и Россия, имея тысячи пушек, могла бы, токмо их перелив, снабдить армию и флот, он множество старых пушек в медную монету переделал, приписуя себе в честь, что якобы неизвестное и погибшее сокровище в сокровище обращающееся обратил. Не могши скрыть свои желания корыстолюбия, силою и властью своею, и пользуясь узаконением Петра Великого, чтобы заводы рудокопные отдавать в private руки, испросил себе знатные заводы, и между прочими, лутчей в Государстве, Гороблагодацкой, и сие с такою бессовестностию, что когда сей завод, могущей приносить прибыли многие сты тысяч рублей, был оценен в 90 тысяч рублей, то он не устыдился о дорогой оценке приносить жалобу сенату и получил его по новой переценке, где не справедливость и не польза Государская были наблюдаемы, но страх его могущества, не с большим за 40 тысяч рублей, завод, при котором было приписных до дватцети тысяч душ, завод, приносящий после ему до двухсот тысяч рублей, и который после взят был обратно короною за его долги за бесценок, за 750 рублей. Откупы, монополии, мздоимствы, торговля, самим им заведенная, и грабительствы государственных именей не могли однако его жадность и сластолюбие удовлетворить; учредил банк, по видимому могущей бы полезным быть подданным, и оной состоял в медной монете, занимая из которого должно было платить по два процента и чрез несколько лет внести капитал серебром. Но кто сим банком воспользовался? Он сам, взяв миллион; Гот, взявший у него на откуп олонекские леса, и взятые деньги отдавший ему; армяне, взявшие в монополию астраханской торг и большую часть взятых денег отдавшие ему. Князь Борис Сергеевич Голицын, который толь мало взятъем сим пользовался, что уверяют, якобы в единое время из 20 тысяч, им взятых, токмо 4 тысячи в пользу себе употребил.

Властолюбие его, равно как и корыстолюбие, пределов не имело. Не довольствуясь, что он был генерал-фельдцейхмейстер, генерал-адъютант и сенатор, восхотел опричную себе армию соделать. Представление его, так как и все чиненны им, было принято, и он сочинил армию, состоящую из тридцети тысяч пехоты, разделенную в шесть легионов или полков, каждый по пяти тысяч человек, которые ни от кого, кроме его, не зависели. Является, что в России рок таковых безнужных затей есть скоро родиться и еще скорее упадать, армия сия, сочиненная из лутчих людей государства, пошла в поход противу прусских войск, много потерпела, ничего не сделала, часть ее превращена была в состоящие под его же начальством фузелерные полки, а потом и совсем исчезла.

Мало я не забыл, исчисляя честолюбивые затеи сего чудовища, помянуть о изобретенных им, иль лутче сказать, в подражание старинных и отброшенных голбиц, которые Шуваловскими назывались, и коих коническая камера чинила, что весьма далеко отдавали, а елипсической калибер, что разметисто наблизко картечами стреляли, и единорогов, которые и ныне есть в употреблении, ради легости их. Он, выдумку свою всему предпочитая, гербы свои на сих новых орудиях изображал, гнал всех тех, которые дерзали о неудобности их, ныне доказанной, говорить, яко между прочими содержал под арестом князь Павла Николаевича Щербатова, сказавшего по приезде своем из армии, что их действие весьма близко, не может быть инако действительно, как на совершенно гладком месте; что отдача назад голбиц может самим действующим им войскам вред нанести и расстроить их порядок, а что тягость их не удобна ни к вожению, ни к поставлению после выстрела на прежнее место, и наконец, что достойно смеху то, что их толь секретными почитают, и с особливою присягою к ним люди употреблены, которые даже от главных начальников сокрывают сей мнимый секрет с обидою оных, коим вверено начальство армии, а не могут они знать ни секрета, ни действия употребляемых в ней орудий, а самое сие расстраивает всю дисциплину в войске, что введенные в сие таинство, якобы отличные люди от других, не по достоинству, но по опричности своей, излишние чины получают и более других им всемогущим начальником уважаемы суть.

Между многих таковых развратных его предприятий начеты однако были два по его предложениям, то есть генеральное межеванье и сочинения нового уложения. Но за неоспоримую истину должно сие принять, что развратное сердце влечет за собою развратный

разум, который во всех делах того чувствителен бывает. Хотя не можно сказать, чтобы намерения генерального межеванья не полезно было государству и чтобы межевая инструкция не содержала в себе много хороших узаконеней, но многия в ней находились и такие, которые не сходственны со справедливостию, но по дальновидности его ли самого или его окружающих были для собственных их польз учинены. А исполнение еще хуже было. Порочного сердца человек выбирал порочных людей для исправления разных должностей, те, не на пользу общественную, но на свои прибитки взирая, также порочных людей одобряли, отчего множество тогда же произошло злоупотребления; и не пользою обществу сие межеванье учинилось, но учинилось верным способом к нажитку определенных и к грабежу народа. Сочинение уложения не лутчей успех имело, ибо были к сему толь полезному делу государства определены люди не те, которые глубокою наукою состояние государства и древних прав, сообщенных с наукою логики и моральной философии, а равно и с долговременным исполнением беспорочно своих должностей, могли удостоиться имени законодателей и благотворителей своего отечества. Но Емме, человек ученый, но груб и бесчеловечен с природы; Дивов, глупый, наметливый на законы человек, но мало смыслящий их разум, а к тому же корыстолюбивый; Ешков, добрый и не мздоимщик и знающий по крайней мере российский законы человек, но ленивой, праздною и не твердый судья; Козлов, умной и знающий законы человек, но токмо пред тем вышел из-под следствия по мздоимствам и воровствам; Глебов, угодник графу Шувалову, умной по наружности человек, но соединяющий в себе все пороки, которые сам он, Петр Иванович, имел. Такие люди, таково и сочинение. Наполнили они сочиненное свое уложение множество пристрастными статьями, по которым каждый хотел или свои дела решить, или, начавши новые, воспользоваться разорением других. Наполнили его неслыханными жестокостями пыток и наказаний, так что, когда по сочинении оное было без чтения сенатом и других государственных чинов поднесено к подписанию Государыни, и уже готова была сия добросердечная Государыня не читая подписать, перебирая листы, вдруг попала на главу пыток, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и, не подписав, велела переделывать. Тако чудесным образом избавилась Россия от сего бесчеловечного законодательства.

Но я слишком отдалился от моей причины, колике она ни достойна любопытства, и токмо ее продолжил для показания умоначертания сего именитого мужа, а развратность вельможи влекла примером своим развратность и на нижних людей. И подлинно, до его правления хотя были взятки, были неправосудии и был разврат, но все с опасением строгости законов, и народ, хотя малое что и давая, не мог справедливо жаловаться, что разорен есть от судей. Но с возвышением его неправосудие чинилось с наглостию, законы стали презираться, и мздоимствы стали явные. Ибо довольно было быть любиму и защищаему им, графом Шуваловым, иль его метресами, иль его любимцами Глебовым и Яковлевым, чтобы не страшаса ничего, веяния неправосудии делать и народ взятками разорять. Самый сенат, трепетав его власти, принужден был хотениям его повиноваться, и он первый, иже правосудии и из сего высшего правительства изгнал. Чрез искание Анны Борисовны графини Апраксиной, дочери князь Бориса Васильевича Голицына, при княгине Алене Степановне Куракиной, решено было дело между князь Голицына и кнегини Елены Васильевны Урусовой в беглых крестьянах, и хотя она была права, но решенной сената была приведена в разоренье. Защищал он, сообщаса с графом Александром Борисовичем Бутурлиным, князей Долгоруких, по делу о деревнях Анны Яковлевны Шереметевой, дочери именитого князь Якова Федоровича Долгорукова, чтобы лишить не право принадлежащей части князь Якова Александровича и сестру его княжну Марью Александровну Долгоруких, и тесть мой на сие голос подал, то сказано ему было от вышеименованного графа Бутурлина, что естли он от сего дела не отступит, они найдут способ толико его обнести у Государыни, что может быть он свое упрямство и ссылкой заплатит.

Не могу я упустить, чтобы не помянуть об едином узаконении сего графа Петра Ивановича Шувалова, учиненном для собственного его прибитку и разрушающем супружественную связь, которая до сего у нас свято сохранялась. Между прочими вещами, связующими супругов, и,

сходственно с Божиим законом, подчиняющих жен мужьям своим, было узаконение, что жена без воли мужа своего недвижимого своего имени продать и заложить не могла, и муж всегда должен был позволение свое в крепости подпискою означить. Графу Петру Ивановичу Шувалову нужда была купить одну деревню, не помню у какой графини Головиной, живущей особливо от мужа своего, и посему и не могущей его согласия иметь. Предложил, чтобы сей знак покорства жен уничтожить; по предложению его, яко всесильного мужа в государстве, был учинен указ, он деревню купил, а сим подал повод по своенравиям своим женам от мужей отходить, разорять их детей, а отшедшим разоряться.

Довольно, думаю, описал я разные клонящиеся к своим собственным прибыткам предприятия графа Шувалова, наводящие тогда же мне огорчения не токмо по самому злу, чинившемуся тогда, но и по даваемому примеру, о котором я пророчествовал, что он множество подражателей себе найдет. Яко и действительно воспоследовало. Князь Вяземский показанием, что он умножает доходы, хотя то часто со стенанием народа, в такую силу вошел, что владычествует над законами и сенатом. Князь Потемкин не токмо всю армию по военной коллегии под властью своей имеет, но и особливую опричную себе дивизию из большей части армии сочинил, а нерегулярные все войска в опричину себе прибрал, стараясь во всех делах толико превзойти графа Шувалова, колико он других превосходил.

Мне должно теперь помянуть о его нравах и роскоши. Беспрестанно в замыслах и беспрестанно в делах не мог он иметь открытого дому и роскошь свою великолепным житьем показывать. Но был сластолюбив и роскошен в приватном своем житье. Дом его был убран колико возможно лутче по тогдашнему состоянию, стол его малинкой наполнен был всем тем, что есть драгоценнейшее и вкуснейшее; десерт его был по тогдашнему наивеликолепнейший, ибо тогда как многия, изживши век, вкусу ананасов не знали, а о банане и не слыхивали, он их в обильстве имел и первый из приватных завел ананасовую большую аранжерею. Вины, употребляемые им, не токмо были лутчие, но, не довольствуясь теми, которые обыкновенно привозятся и употребляются, делал дома вино ананасовое. Екипаж его был блистающ златом, и он первый цук аглинских, тогда весьма дорогих лошадей имел; платье его соответствовало также пышности: золото, серебро, кружевы, шитье на нем блистали, и он первый по графе Алексее Григорьевиче Разумовском имел бриллиантовые пуговицы, звезду, ордены и еполет, с тою токмо разностию, что его бриллиантовые уборы богатея были. Во удовольствие своего любострастия всегда имел многих метрес, которым не желая деньги сыпал, а дабы и тело его могло согласоваться с такой роскошью, принимал ежедневно горячие лекарства, которые и смерть его приключили. Одним словом, хотя он тогда имел более 400 тысяч рублей доходу, но на его роскошь, любострастие и дары окружающих императрицу не доставало, и он умер, имея более миллиона на себе казенного долга.

Примеры таковые не могли не разлиться на весь народ, и повсюдова роскошь и сластолюбие умножились. Дома стали великолепно убираться и стыдились не английския мебели иметь; столы учинились великолепны, и повары, которые сперва не за первого человека в доме считались, стали великие деньги в жалованье получать. Так что Фукс, бывшей повар императрицын, и служившей ей в цесаревнах, хотя имел брегадирской чин, но жалованье получал по 800 рублей в год, а уже тогда и приватные стали давать рублей по пятисот, кроме содержания. Лимоны и померанцы не могли быть дороги в Петербурге, куда они кораблями привозятся, но в Москве они были толь редки, что разве для больного или для особливо великого стола их покупали, учинились и в Москве в изобильстве. Вины дорогая и до того незнаемые не токмо в знатных домах вошли во употребление, но даже и низкие люди их употреблять начели, и за щегольство считалось их разных сортов на стол подавать, даже, что многие под тарелки в званые столы клали записки разным винам, дабы каждый мог попросить какое кому угодно. Пиво аглинское, до того и совсем не бывшее во употреблении, но введенное во употребление графиней Анной Карловной Воронцовой, которая его любила, стало не токмо в знатных столах ежедневно употребляться, но даже подлые люди, оставя употребление рускава пива, оным стали

опиваться. Свечи, которые до сего по большей части употреблялися сальные, а где в знатных домах, и то перед господами, употребляли воощенные, но и те из желтого воску, стали везде да и во множестве употребляться белые восковые. Роскошь в одеждах все пределы превзошел: парчевые, бархатные, с золотом и серебром, платья шитые золотом, серебром и шелками, ибо уже галуны за подлое почитали, и те в толиком множестве, что часто гардероб составлял почти равной капитал с прочим достатком какого придворного или щеголя, а и у умеренных людей оного всегда великое число было. Да можно ли было сему инако быть, когда сам Государь прилегал все свои тщании ко украшению своей особы, когда он за правило себе имел каждый день новое платье надевать, а иногда по два и по три на день, и стыжусь сказать число, но уверяют, что несколько десятков тысяч разных платей после нее осталось. Мундиров тогда, кто имел токмо достаток, кроме должности своей не нашивали, и даже запрещено было в оных танцевать при дворе. Екипажи были умеренного с прочим великолепия, уже русского дела корета в презрении была, а надлежало иметь, с заплаотою нескольких тысяч рублей, французскую и с точеными стеклами, чтоб шоры и лошади оной соответствовали и прочее. Однако при всем сем еще очень мало было сервизов серебряных, да и те большая часть жалованных Государем; Степан Федорович Апраксин, человек пышной и роскошной, помнится мне, до конца жизни своей на фаянсе едал, довольствуясь иметь чаши серебряные, и я слышал от Ивана Лукьяновича Талызина, что он первый из собственных своих денег сделал себе сервиз серебряной.

При сластолюбивом и роскошном Государе не удивительно, что роскошь имел такая успехи, но достойно удивлению, что при набожной Государыни, касательно до нравов, во многом Божественному закону противуборствию были учинены. Сие есть в рассуждении хранения святости брака таинства по исповеданию нашей веры. Толь есть истинно, что единый порок и единый проступок влечет за собою другие. Мы можем положить сие время началом, в которое жены начели покидать своих мужей. Не знаю я обстоятельств первого странного разводу, но в самом деле он был таков. Иван Бутурлин, а чей сын не знаю, имел жену Анну Семеновну; с ней слюбился Степан Федорович Ушаков, и она, отошед от мужа своего, вышла за своего любовника, публично содеяв любодейственный и противный церкви сии брак, жили. Потом Анна Борисовна графиня Апраксина рожденная княжна Голицына, бывшая же в супружестве за графом Петром Алексеевичем Апраксиным, от него отошла. Я не вхожу в причины, чего ради она оставила своего мужа, который подлинно был человек распутного жития. Но знаю, что развод сей не церковным, но гражданским порядком был сужен. Муж ее, якобы за намерение учинить ей какую обиду в немецком позорище, был посажен под стражу и долго содержался, и наконец ведено ей было дать ее указную часть из мужня имения при живом муже, а именоваться ей попрежнему княжною Голицыною. И тако, отложив имя мужа своего, приведши его до посаждения под стражу, наследница части его имения учинилась, по тому токмо праву, что отец ее, князь Борис Васильевич, имел некоторой случай у двора, а потом, по разводе своем, она сделалась другом кнегини Елене Степановне Куракиной, любовнице графа Шувалова.

Пример таких разводов вскоре многими другими женами был последуем, и я токмо двух в царствовании императрицы Елисаветы Петровны именовал, а ныне их можно сотнями считать.

Еще Петр Великий, видя, что закон наш запрещает князь Никите Ивановичу Репнину вступить в четвертый брак, позволил ему иметь метресу, и детей его, под именем Репнинских, благородными признал. Так же князь Иван Юрьевич Трубецкой, быв пленен шведами, имел любовницу, сказывают, единую благородную женщину, в Стокгольме, которую он уверил, что он был вдов, и от нее имел сына, которого именовали Бецким, и сей еще при Петре Великом почтен был благородным и уже был в офицерских чинах. Такому примеру последуя, при царствовании императрицы Елисаветы, выbleдок князь Василья Владимировича Долгорукова Рукин наравне с дворянами был производим. Алексей Данилович Татищев, не скрывая, холопку свою, отнявшую у мужа жену, в метресах содержал, и дети его дворянство получили. А сему подражая, ныне толико сих выbleдков дворян умножилось, что повсюдова толпами их видно. Лицыны, Ранцовы и прочие, которые или дворянство получают, либо по случаю или за деньги

до знатных чинов доходят, что кажется хотят истребить и честь законного рождения, и, не закрыто держа метрес, являются знатные люди насмехаться и святостию закона, и моральным правилам, и благопристойности. И тако можно сказать, что и сии злы, толь обыкновенные в нынешнее время, отрыгнули корень свои в сие царствование.

Такое было расположение нравов при конце сей императрицы, и она, скончавшись, оставила престол свой племяннику своему, сыну старшей своей сестры, Анны Петровны, бывшей за герцогом Голстинским, Петру Федоровичу, Государю, одаренному добрым сердцем, естли может оно быть в человеке, не имеющем ни разума, ни нравов, ибо, впрочем, он не токмо имел разум весьма слабый, но яко и помешанной, погруженный во все пороки: в сластолюбие, роскошь, пьянство и любострастие. Сей, взошедший на всероссийский престол, к поврежденным нравам быв сам с излихвою поврежден, равно по природному своему расположению, так что и во все время царствования императрицы Елисаветы старались наиболее его нравы испортить, не мог исправления им сделать.

Сей Государь имел при себе главного своего любимца Льва Александровича Нарышкина, человека довольно умного, но такого ума, который ни к какому делу стремления не имел, труслив, жаден к честям и корысти, удобен ко всякому роскошу, шутив, и, словом, по обращениям своим и по охоте шутить более удобен быть придворным шутом, нежели вельможем. Сей был помощник всех его страстей.

Взошедши сей Государь на всероссийский престол без основательного разума и без знания во всяких делах, восхотел поднять вольным обхождением воинский чин. Все офицеры его голстинския, которых он малой корпус имел, и офицеры гвардии часто имели честь быть при его столе, куда всегда и дамы приглашались. Какие сии были столы? Тут вздорные разговоры, смешенные с неумеренным питьем, были смешены, тут после стола поставленный пунш и положенные трубки, продолжения пьянства и дым от курения табаку представлял более какой трактир, нежели дом Государский; коротко одетой и громко кричащей офицер выигрывал над прямо знающим свою должность. Похвала прусскому королю, тогда токмо преставшему быть нашим неприятелем, и унижение храбрости российских войск составляли достоинство приобрести любление Государево; и граф Захар Григорьевич Чернышев, при бывшей пробы российской и прусской взятой в плен артиллерии, за то, что старался доказать, и доказал, что российская артиллерия лутче услужена, не получил за сие андреевской ленты, которые тогда щедро были раздаваемы.

Имел Государь любовницу, дурную и глупую, графиню Елисавету Романовну Воронцову, но ею, взошед на престол, он доволен не был, а вскоре все хорошие женщины под вожделение его были подвергнуты. Уверяют, что Александра Иванович Глебов, тогда бывший генерал-прокурор, и им пожалованной купно и в генерал-крикскомисары, подвел падчерицу свою Чеглокову, бывшую после в супружестве за Александр Николаичем Загрязским, и уже помянутая мною выше кнегиня Елена Степановна Куракина была привожена к нему на ночь Львом Александровичем Нарышкиным, и я сам от него слышал, что бесстыдство ее было таково, что, когда по ночевании ночи он ее отвозил домой по утру рано и хотел, для сохранения чести ее, и более чтобы не учинилось известно сие графине Елисавете Романовне, закрывши гардины ехать, она, напротив того, открывая гардины, хотела всем показать, что она с Государем ночь переспала.

Примечательна для России сия ночь, как рассказывал мне Дмитрий Васильевич Волков, тогда бывшей его секретарем. Петр Третий, дабы сокрыть от графини Елисаветы Романовны, что он всю ночь будет веселиться с новопривозной, сказал при ней Волкову, что он имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства. Ночь пришла, Государь пошел веселиться с княгиней Куракиной, сказав Волкову, чтобы он к завтраю какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с дацкою собакою. Волков не зная ни причины, ни намерения Государского, не знал, о чем зачать писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливой, то вспомнил нередкия вытвержения Государю от графа Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянства,

седши, написал манифест о сем. По утру его из заключения выпустили, и манифест был Государем опробован и обнародован.

Не токмо Государь, угождая своему любострастию, тако благородных женщин для удовольствия себе употреблял, но и весь двор в такое пришел состояние, что каждый почти имел незакрытую свою любовницу, а жены, не скрываясь ни от мужа, ни родсвенников, любовников себе искали. Исчислю ли я к стыду тех жен, которые не стыдились впасть в такая любострастия, с презрением стыда и благопристойности, иже сочиняет единую из главнейших добродетелей жен? Нет, да сокроются от потомства имена их, и роды их да не обесчещутся напятованием преступлений их матерей и бабок; и тако, довольствуясь описать, какой был разврат, подробно о любострастиях их ни о именах их не помяну. Ибо в самом деле, с угрызением сердца моего принуждаю себя и тут, где необходимо должно поминать, именуя таковых, по причине сочинения сего, определенного сокриться в моей фамилии меня принуждает.

И тако разврат в женских нравах, угождение Государю, всякого роду роскошь и пьянство составляло отличные умоначертания двора, и оттуда они уже некоторые разлились и на другия состояния людей в царствование императрицы Елисаветы Петровны, а другия разливаться начинали, когда супруга сего Петра Третьего, рожденная принцесса Ангаль-Цербская, Екатерина Алексеевна, взошла с низвержением его на российский престол. Не рожденная от крови наших Государей, жена, свергнувшая своего мужа возмущением и вооруженною рукою, в награду за толь добродетельное дело корону и скипетр российский получила, купно и с именованьем благочестивые Государыни, яко в церквах о наших Государях моление производится.

Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой империей, естли женщина возможет поднять сие иго, и естли одних качеств довольно для сего вышнего сану. Одарена довольною красотою, умна, обходительна, великодушна и сострадательна по системе, славолюбива, трудолюбива по славолыбию, бережлива, предприятельна, некое чтение имеющая. Впрочем мораль ее состоит на основании новых философов, то есть не утвержденная на твердом камени закона Божия, и потому, как на колеблющихся свецских главностях есть основана, с ними обще колебанию подвержена. Напротив же того, ее пороки суть: любострастна, и совсем вверяющаяся своим любимцам, исполнена пышности во всех вещах, самолюбива до бесконечности, и не могущая себя принудить к таким делам, которые ей могут скуку наводить, принимая все на себя, не имеет попечения о исполнении и, наконец, толь переменчива, что редко и один месяц одинакая у ней система в рассуждении правления бывает.

Совсем тем, вошедши на престол и не учиня жестокого мщения всем тем, которые до того ей досаждали, имела при себе любимца своего, который и вспомоществовал ей взойти на престол, человека, взрослого в трактирах и в неблагопристойных домах, ничего неучившегося и ведущего до того развратную молодого человека жизнь, но сердца и души доброй. Сей, вошедши на вышнюю степень, до какой подданной может достигнуть, среди кулашных боев, борьбы, игры в карты, охоты и других шумных забав, почерпнул и утвердил в сердце своем некоторые полезные для государства правила, равно как и братья его. Оные состояли: никому не мстить, отгонять льстецов, оставить каждому месту и человеку непрерывное исполнение их должностей, не лстыть Государю, выискивать людей достойных, и не производить как токмо по заслугам, и наконец отбегать от роскоши, — которые правила сей Григорей Григорьевич, после бывшей графом, а наконец князем, до смерти своей сохранил. Находя, что карташная азартная игра может привести других в разоренье, играть в нее перестал. Хотя его явные были неприятели графы Никита и Петр Ивановичи Панины, никогда ни малейшего им зла не сделал, а напротиву того, во многих случаях им делал благодеяния, и защищал их от гневу Государыни. Изрубившему изменническим образом брата его, Алексея Григорьевича, не токмо простил, но и милости сделал, множество льстецов, которые тщились обуздать его самолюбие, никогда успеху не имели, и напротиву того, более грубостию можно было снискать

его любовь, нежели лестью; никогда в управление не принадлежащего ему места не входил, а если бы и случилось ему за кого попросить, никогда не сердился, ежели ему в том отказывали; никогда не льстил своей Государыне, к которой не ложное усердие имел, и говорил ей с некоторою грубостью все истины, но всегда на милосердие подвигал ее сердце, чему и сам я многажды самовидцом бывал; старался и любил выискивать людей достойных, поелику понятие его могло постигать, но не токмо таких, которых по единому их достоинству облагодетельствовал, но ниже ближних своих любимцев не любил иначе производить, как по мере их заслуг, и первый знак его благоволения был заставлять с усердием служить отечеству и в опаснейших местах употреблять, яко учинил с Севолодом Алексеевичем Севоложским, которого в пушью в Москве язву с собой взял и там употребил его к делу. Хотя с молодости развратен и роскошен был, но после никакой роскоши в доме его не видно было, а именно, дом его отличного в убранстве ничего не имел, стол его не равнялся с столами, какия сластолюбы имеют, экипажи его, хотя был и охотник до лошадей и до бегунов, ничего чрезвычайного не имели, и наконец, как сначала, так и до конца никогда ни с золотом, ни с серебром платья не нашивал. Но все его хорошие качества были затмены его любострастием: он презрел, что должное ему к своему Государю и ко двору Государскому, учинил из двора Государева дом распутия; не было почти ни одной фрейлины у двора, которая не подвергнута бы была к его исканиям, и коль много было довольно слабых, чтобы на оные преклониться, и сие терпимо было Государыней, а наконец тринадцатилетнюю двоюродную сестру свою, Катерину Николаевну Зиновьеву, исильничал, и, хотя после на ней женился, но не прикрыл тем порок свой, ибо уже всенародно оказал свое деяние, и в самой женитьбе нарушил все священные и гражданские законы.

Однако во время его случая дела довольно порядочно шли, и Государь, подражая простоте своего любимца, снисходил к своим подданным, не было многих раздаяней, но было исполнения должностей, и приятство Государево вместо награжденной служило. Люди обходами не были обижаемы, и самолюбие Государево истинными любимцами укрощаемо часто было.

Однако, понеже добродетели не толь есть удобны к подражанию, сколь пороки, мало последовали достойным похвалы его поступкам, но женщины, видя его и братьей его любострастие, гордились и старались их любовницами учиниться и разрушенную уже приличную стыдливость при Петре Третьем долгою привычкою, во время случая Орловых, совсем ее погасили, тем наипаче, что сей был способ получить и милость от Государыни.

Не падение, но отлучение его от места любовника подало случай другим его место для любострастных императрицы занять, и можно сказать, что каждый любовник, хотя уже и коротко их время было, каким-нибудь пороком за взятые миллионы одолжил Россию (окроме Васильчикова, который ни худа, ни добра не сделал). Зорич ввел в обычай непомерно великую игру. Потемкин — властолюбие, пышность, подобострастие ко всем своим хотениям, обжорливость и, следственно, роскошь в столе, лесть, сребролюбие, захватчивость и, можно сказать, все другие знаемые в свете пороки, которыми или сам преисполнен и преисполняет окружающих его, и тако дале в империи. Завадовский ввел в чины подлых малороссиян, Корсаков приумножил бесстыдство любострастия в женах; Ланской жестокосердие поставил быть в чести, Ермолов не успел сделать ничего, а Мамонов вводит деспотичество в раздаянии чинов и пристрастие к своим родственникам.

Сама императрица, яко самолюбивая женщина, не токмо примерами своими, но и самым ободрением пороков является, желает их силу умножить. Она славолюбива и пышна, то любит лесть и подобострастие. Из окружающих ее Бецкой, человек малого разума, но довольно пронырлив, чтобы ее обмануть, зная ее склонность к славолению, многие учреждения сделал, яко сиропитательные дома, девичей монастырь, на новом основании кадетской сухопутной корпус и академию художеств, ссудную и сиротскую казну, поступая в том яко александрийский архитектор, построивший фару, на коем здании на алебастре имя Птоломея царя изобразил, давшего деньги на строение, а под алебастром на мраморе свое изваял, дабы, когда от долготы времен алебастр отпадет, единое его имя видно было. Так и Бецкой, хотя показывал вид, что

все для славы императрицыной делает, но не токмо во всех проектах его, на разных языках напечатанных, имя его, яко первого основателя является, но ниже оставил монархине и той власти, чтобы избрать правителей сих мест, а сам повсюду начальником и деспотом был до падения его кредиту. Дабы закрыть сие, все способы были им употреблены ей льстить: повсюду похвалы гремели ей; в речах, в сочинениях, и даже в представляемых балетах на театре, так что я сам единожды слышал при представлении в кадетском корпусе балета Чесменского боя, что она сказала мне: *il me loue tant, qu'enfin il me gatera*. Счастлива бы была, естли бы движения душевные последовали сим речам, но несть, когда сие изрекала, душа ее пышностию и лестью упивалась. Не меньше Иван Перфильевич Елагин употреблял стараний приватно и всенародно ей льстить. Быв директор театру, разные сочинения в честь ее слагаемы были, балеты танцами возвещали ее дела, иногда слава возвещала пришествие российского флота в Морею, иногда бой Чесменской был похваляем, иногда воспа с Россиею плясали. Также князь А.А. Вяземской, генерал-прокурор, человек неблистательного ума, но глубокого рассуждения, бывши генерал-прокурором и имевши в руках своих доходы государственные, искуснейший способ для льщения употребил. Притворился быть глупым, представлял ей совершенное благоустройство государства под властью ее и, говоря, что он, быв глуп, все едиными ее наставлениями и, быв побужден духом ее, делает, и по силе, премудрость ее не токмо равнял, но и превозвышал над Божией, а сим самым учинился властитель над нею. Безбородко, ее секретарь, ныне уже граф, член иностранной коллегии, гофмейстер, генерал-почтдиректор, и все в рассуждении правительства за правило имеет никогда протаву ее не говорить, но похваляя исполнять все ее веления, и за сие непомерныя награждения получил.

Дошедшая до такой степени лесть при дворе, и от людей в дела употребленных, начели другими образами льстить. Построит ли кто дом, на данные от нее отчасти деньги, или на наворованные, зовет ея на новоселье, где на люменации пишет: „Твоя от твоих тебе приносимая“; или подписывает на доме: „Щедротами великия Екатерины“, забывая приполнить, но разорением России; или, давая праздники ей, делают сады, нечаенные представления, декорации, везде лесть и подобострастия изъясляющия.

К коликому разврату нравов женских и всей стыдливости пример ея множества имения любовников, един другому часто наследующих, и равно почетных и корыстными снабженных, обнародовая чрез сие причину их счастья, подал другим женщинам. Видя храм сему пороку, сооруженный в сердце императрицы, едва ли за порок себе считают ей подражать, но паче мню, почитает каждая себе в добродетель, что еще столько любовников не переменяла!

Хотя при поздних летах ея возрасту, хотя седины уже покрывают ея голову, и время нерушимыми чертами означило старость на челе ея, но еще не уменьшается в ней любострастие. Уже чувствует она, что тех приятностей, каковыя младость имеет, любовники ее в ней находить не могут, и что ни награждения, ни сила, ни корысть, не может заменить в них того действия, которое младость может над любовником произвести. Стараясь закрывать ущерб, летами приключенной, от простоты своего одеяния отстала, и хотя в молодости и не любила златотканых одеяней, хотя осуждала императрицу Елисавету Петровну, что довольно великий оставила гардероб, чтоб целое воинство одеть, сама стала ко изобретению приличных платьев и к богатому их украшению страсть свою оказывать, а сим, не токмо женам, но и мужчинам подала случай к таковому же роскошу. Я помню, что, вошед ко двору в 1768 году, один был у всего двора шитой золотом красной суконной кавтан - у Василья Ильича Бибикова; в 1769 году в апреле месяце императрица разгневалась на графа Ивана Григорьевича Чернышева, что он в день рождения ея в шитом кавтане в Сарское село приехал, а в 1777 году, когда я отстал от двора, то уже все и в простые дни златотканые с шитьем одеяния носили и почти уже стыдились по одному борту иметь шитье.

Не можно сказать, чтобы императрица была прихотлива в кушанье, но можно сказать, что еще слишком умеренна, но бывшей ея любовник, а оставшись всемогущим ее другом, князь Григорей Александрович Потемкин не токмо прихотлив в еде, но даже и обжорлив;

неосторожность обер-гофмаршала князь Николая Михайловича Голицына, приготовить ему какого-то любимого блюда подвергла его подлому ругательству от Потемкина и принудила идти в отставку; то после сего каждой да рассудит, наследники князя Голицына, Григорей Никитич Орлов и князь Федор Сергеич Борятинской не употребляют ли таперя все свое тщание, дабы удовольствоваться сего всемогущего в государстве обжору. И подлинно стол Государев гораздо великолепней и лутче ныне стал. А также, дабы угодить сему другу монаршу, повсюду стали стараться умножать великолепие в столах (хотя и до него оно довольно было) и от вышних до нижних болезнь сея роскоши и желание лутчими вещами насытиться распространилось.

Общим образом сказать, что жены более имеют склонности к самовластию, нежели мужчины, о сей же со справедливостию можно уверить, что она наипаче в сем случае есть из жен жена. Ничто ей не может быть досаднее, как то, когда, докладывая ей по каким делам, в сопротивление воли ея законы поставляют, и тотчас ответ от нее вылетает, разве я не могу, не взирая на законы, сего учинить? Но не нашла никого, кто бы осмелился ответить ей, что может яко деспот, но с повреждением своей славы и поверенности народной. Дела многия свидетельствуют ее самовластие. 1) Возвращение Марьи Павловне Нарышкиной от Талызина деревень, утвержденных купчими и самым владением. 2) Дело детей князь Бориса Васильевича Голицына о прадеда их Стрешневских деревнях, незаконно отписанных. Сенатом сие незаконное признано, и докладом испрашивано было позволение их законным наследникам возвратить, и подпись на докладе: „быть по сему“, — являлся сделать справедливое, удовлетворение оным; но после из комнаты было истолковано, что „быть по сему“ знаменовало: быть в описи. Аким Иванович Апухтин докладывал ей по военной коллегии о отставке одного генерал-майора, получил повеление отставить без чина, но, как он зачел представлять, что законы точно повелевают генерал-майорам давать чины при отставке, получил в ответ, что она превыше законов и дать ему не хочет сего награждения. Таковые примеры, видимые в самом Государе, не побуждают ли и вельмож к подобному же самовластию и к несправедливостям, и стелящая от таковых наглостей Россия ежедневные знаки представляет, коль есть заразителен пример Государской.

Такое расположение мыслей, а паче в особе, преданной своим любимцам, естественно влечет за собою пристрастие и неправосудие, многие мог бы я примеры представить одному и другому, но довольно, ежели я скажу, что, не любя Сахарова, яко человека дурных нравов (который однако долгое время быв камердинером ее, пользовался ея доверенностию, хотя не лутче был), дело его без рассмотрение было отдано в архив, якобы дурные нравы должно было делом по деревням наказать, в каковом случае и развратной человек может иметь справедливость, и тут не нравы и расположение судятся, но что кому принадлежит, исключительно до всего другого. И дело Вахмейстера о незаконно отписанных у деда его лифлянских имениях, признанное справедливым всеми департаментами Сената, решение получило, что оные таки отданы генералу Броуну, за которым и остатся. Граф Роман Ларионович Воронцов, во все время своей жизни признанной мздоимцем, был определен в наместники во Владимир и не преставал обыкновенные свои мздоимствы производить; но сокрыты оные были от Государя, который токмо двоезнаменующем знаком: присылкою большого кошелька его укорил. Но как он уже умер, и разоренье народа дошло до крайности, тогда поведено следовать его и губернаторской поступок, но хотя и семь лет разоренье народное продолжалось, а следствие повелено учинить токмо за два года. Таковые примеры, часто случающиеся, не подают ли подданным побуждения подобным поступкам для пользы своих подражать? Случилось мне читать в одной книги ясный пример, что тщетно будешь стараться начертить верный круг, когда центр неверен и колеблющ, никогда черта круга точно не сойдется; и слова Священного Писания, ясно же означающие должность начальников: учителю, исправься сам!

Можно ли подумать, чтобы Государь, чинящий великия раздаянии, Государь, к коему стекаются большей частию сокровищи всего государства, мог быть корыстолюбив? Однако сие есть, ибо инако я не могу назвать введение она толь всеми политическими писателями

охлаемого обычаю чины за деньги продавать. А сему есть множество примеров. Развратный нравами и корыстолюбивый откупщик Лукин, дав восемь тысяч двору из наворованных денег и, подаря его в народное училище, чин капитанской получил; и Прокофей Демидов, привоженный под виселицу за пашквили, бывший под следствием за битье в доме своем секретаря юстиц-коллегии, делавшей беспрестанно наглости и проказы, противные всякому благоучрежденному правлению, за то, что, с обидою детей своих, давал деньги в сиропитательный дом, чин генерал-маеорской получил, а за дание пяти тысяч в пользу народных школ учинено ему всенародно объявленное чрез газеты благодарение. Якобы Государь не мог полезных учреждений завести, без принимания денег от развратных людей, и якобы деньгами могли искупиться развратные нравы! Пример сей еще других заразительнее учинился. Чины стали все продажны, должности не достойнейшим стали даваться, но кто более за них заплатит, а и те, платя, на народе взятками стали сие вымещать. Купцы, воровством короны обогатившиеся, большие чины получили, яко Логинов, бывший откупщик, и не токмо вор по откупам, но и приличившейся в воровстве комисариатской суммы, чины штапския получил. Фалеев, в подрядах с Государем взимая везде тройную цену, не токмо сам штапския чины и дворянство получил, но и всех своих прислужников в штап-офицеры и в офицеры произвел. Торговля впала в презрение, недостойные вошли во дворяне, воры и злонравные награждены, развратность ободрена, а все под очами и знанием Государя, то можно ли после сего правосудия и бескорыстности от нижних судей требовать?

Все царствование сей самодержицы означено деяниями, относящимися к ея славолюбию.

Множество учиненных ею заведений, являющихся для пользы народной заведенных, в самом деле не суть, как токмо знаки ея славолюбия, ибо, естли бы действительно имела пользу государственную в виду, то, учиня заведения, прилагала бы старания и о успехе их, но, довольствуясь заведением и уверением, что в потомстве она яко основательница оных вечно будет почитаться, о успехе не радила и, видя злоупотреблении, их не пресекала. Свидетельствует сие заведение сиропитательного дому, девичьева монастыря для воспитания благородных девиц, переправление кадетцкого корпуса и прочее, из которых в первом множество малолетних померло, а и поныне, чрез дватцать слишком лет, мало или почти никого ремесленников не вышло; во втором ни ученых, ни благонравных девиц не вышло, как толико, поелику природа их сим снабдила, и воспитание более состояло играть комедии, нежели сердце и нравы и разум исправлять; из третьего вышли с малым знанием, и с совершенным отвращением всякого повиновения. Зачетые войны еще сие свидетельствуют. По пристрастию возвели на польский престол Понятовского, хотели ему противу вольностей польских прибавить самовластия; взяли в защищение десидентов. И вместо чтобы стараться сих утесненных за закон в Россию к единоверным своим призывать, ослабить тем Польшу и усилить Россию, чрез сие подали причину к турецкой войне, счастливой в действиях, поболее России стоящей, нежели какая прежде бывшая война; послали флот во Грецию, которой Божеским защищением победу одержал, но мысль в сей посылки была единое славолюбие. Разделили Польшу, а тем усилили и австрийский и бранденбургския дома и потеряли у России сильное действие ея над Польшею. Приобрели или, лутче сказать, похитили Крым, страну, по разности своего климата служащую гробницею россиянам. Составили учреждения, которые не стыдятся законами называть, и соделанные наместничества наполня без разбору людьми, с разрушением всего первого ко вреду общества, ко умножению ябеды и разоренья народного, да и за теми надзирания не имеют, исправляют ли точно по данным наставлениям. Испекли законы, правами дворянскими и городскими названные, которые более лишение, нежели дание прав в себе вмещают и всеобщее делают отягощение народу. Таковое необузданное славолюбие также побуждает стремиться к созиданию неисчетного числа и повсюду великих зданей; земледельцы многою работою стали от их земли корыстию отвлекаемы; доходы государственные едва ли достают на такие строения, которые и построившись в тягость оным своим содержанием будут; и приватные, подражая сей охоте, основанной на славолюбии, чтоб чрез многия веки пребывающия зданиа имя свое

сохранить, безумно кинулись в такие строения и украшения их. Едины от избытка многия тысячи для спокойствия и удовольствия своего в созидание домов, огородов, беседок, многия тысячи полагает, другой из пышности, а третьей наконец, последуя вредному примеру, то же сверх достатку своего делает, и чтоб не отстать от других; а все обще, находя себе спокойствие и удовольствия, мало помалу в разоренье сей роскошью приходят, тяготят себя и государство, и часто недостаток своих доходов лихоимством и другими охулительными способами наполняют.

Совість моя свидетельствует мне, что все коль ни есть черны мои повести, но они суть не пристрастны, и единая истина, и разврат, в которой впали все отечества моего подданные, от коего оно стонет, принудил меня оные на бумагу предложить. И тако по довольному описанию нравов сея императрицы довольно можно расположения души и сердца ее видеть. Дружба чистая никогда не вселялась в сердце ея, и она готова лутчего своего друга и слугу предать в угодность любовника своего. Не имеет она материнских чувств к сыну своему и обо всех за правило себе имеет ласкать безмерно и уважать человека, пока в нем нужда состоит, а потом, по пословице своей, выжетою лимон кидать. Примеры сему суть: Анна Алексеевна Матюшкина, всегда и во время гонения ее бывшая к ней привязана, наконец отброшена стала, граф Алексей Петрович Бестужев, спомоществующей ей, когда она была великою княгинею, во всех ея намерениях и претерпевшей за нее несчастье, при конце жизни своей всей ее поверенное лишился, и после смерти его она его бранила. Граф Никита Иванович Панин, спомоществующей взойти ей на престол, при старости отъятие всех должностей своих видел и, может быть, сие кончину его приключило. Николай Иванович Чечерин, служившей ей со всем возможным усердием и носившей ее милость, толико наконец от нее гнан был, что безвременно живот свой окончил. Князь Александр Михайлович Голицын, фелтмаршал, безмолвный исполнитель всех ея велений, без сожаления от нее умер; ибо хотя и известно еще по утру было о его смерти, но тот день весела на концерт вышла, и дав время своему веселию, отходя, спросила любовника своего Ланского, каков князь Александр Михайлович? и, получа известие о смерти его, сделала вид тогда заплакать; а сие и показывает, колико фальшивое при том имеет сердце. Графиня Прасковья Александровна, долгое время ея любимица и друг, наконец была от двора отогнана и с печали умерла. По сему да судит каждый, могут ли чистые чувствования дружбы вогнездиться по таким примерам в подданных.

Представив сию печальную картину, кажется, что уже не настает нужды сказывать, имеет ли она веру к закону Божию, ибо естли бы сие имела, то бы самый закон Божий мог исправить ее сердце и наставить стопы ея на путь истины. Но несть упоено безразмыслительным чтением новых писателей, закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется, ни за что почитает), коль ни скрывает своих мыслей, но они многажды в беседах ее открываются, а деяния иначе доказуют; многия книги вольтеровы, разрушающия закон, по ея велению были переведены, яко Кандид, принцесса Вавилонская, и прочим, и Белизер Мармонтелев, не полагающий никакой разности между добродетели язычников и добродетели христианской, не токмо обществом, по ея велению, был переведен, но и сама участницей перевода оного была. А терпение, или лутче сказать, позволения противным закону бракам, яко князей Орлова и Голицына на двоюродных их сестрах и генерала, Боура на его падчерице, наиболее сие доказует, и тако можно сказать, что в царствование ее, и сия нерушимая подпора совести и добродетели разрушена стала.

Таковыми степенями достигла Россия до разрушения всех добрых нравов, о каковом при самом начале я помянул. Плачевное состояние, о коем токмо должно просить Бога, чтоб лутчим царствованием сие зло истреблено было. А до сего дойти иначе не можно, как тогда, когда мы будем иметь Государя, искренно привязанного к закону Божию, строгого наблюдателя правосудия, начавших с себя, умеренного в пышности царского престола, награждающего добродетель и ненавидящего пороки, показующего пример трудолюбия и снисхождения на советы умных людей, тверда в предприятиях но без упрямства, мягкосерда и постоянна в дружбе, показующего пример собою своим домашним согласием с своей супругою и гонящего

любострастии — щедра без расточимости для своих подданных и искавшего награждать добродетели, качества и заслуги без всякого пристрастия, умеющего разделить труды, что принадлежит каким учрежденным правительствам, и что Государю на себя взять, и наконец, могущего иметь довольно великодушия и любви к отечеству, чтобы составить и предать основательные права государству, и довольно тверда, чтобы их исполнять.

Тогда изгнанная добродетель, оставя пустыни, утвердит среди градов и при самом дворе престол свой, правосудие не покривит свои вески ни для мзды, ни для сильного; мздоимство и робость от вельмож изгонятся, любовь отечества возгнездится в сердца гражданские, и будут не пышностию житья и не богатством хвалиться, но беспристрастием, заслугами и бескорыстностию. Не будут помышлять, кто при дворе велик, и кто упадает, но, имея в предмете законы и добродетель, будут почитать их яко компасом, могущих их довести и до чинов, и до достатка. Дворяне будут в разных должностях служить с приличною ревностию званию их, купцы престанут желать быть офицерами и дворянами; каждый сократится в свое состоянии, и торговля уменьшением ввозу сластолюбие побуждающих чужестранных товаров, а отвозов российских произведеней процветет; искусства и ремесла умножатся, дабы внутри России соделать нужное к пышности и великолепию некоего числа людей.